

Василий Джелдашов Карлос Кастанеда. Расколотое знание

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=595215
Карлос Кастанеда. Расколотое знание: Эксмо; М.: 2011
ISBN 978-5-699-42552-5*

Аннотация

Карлос Кастанеда – человек-легенда и самый мистический писатель XX века. Учение Дона Хуана, удивительное и многогранное, как и сама жизнь, настолько сильно повлияло на миллионы людей по всему миру, что представить современную цивилизацию без культурного феномена Карлоса Кастанеды невозможно.

Перед вами – непростая книга. Она – плод фундаментального исследования матрицы образов Учения Кастанеды и их влияния на каждого из нас. Путь Знания и точка сборки, реальность и Творец, смысл жизни и перерождения, иные миры и многие другие грани Расколотого знания Карлоса Кастанеды.

Содержание

Авторское предисловие	5
Введение	6
Глава первая	9
Осколок 0. У меня есть мечта	9
Образ 0.	9
Отражение	9
Осколок 1. Реальность и Творец	10
Образ 1. Что реально?	10
Отражение	10
Образ 2. Видимость действительности	10
Отражение	11
Образ 3. Орёл – бог	12
Отражение	12
Осколок 2. Сотворение жизни	13
Образ 1. Древо жизни	13
Отражение	13
Образ 2. Орлиное древо	13
Отражение	14
Образ 3. Матрица	15
Отражение	16
Образ 4. Опрокидыватель	17
Отражение	18
Образ 5. Страх смерти	18
Отражение	19
Образ 6. Смерть по-тибетски	19
Отражение	20
Образ 7. Танец смерти	20
Отражение	21
Образ 8. Кроличий бой	21
Отражение	22
Образ 9. Пляска мага	22
Отражение	22
Образ 10. Ветер мифа	23
Отражение	23
Осколок 3. Иные миры	25
Образ 1. Стена тумана	25
Отражение	25
Образ 2. Повернуть стену	26
Отражение	26
Образ 3. Космическое влагалище	27
Отражение	27
Образ 4. Туннель	28
Отражение	28
Образ 5. Мистический пограничник	29
Отражение	29
Образ 6. Тайна стража	30

Отражение	30
Образ 7. Красный мир	31
Отражение	31
Образ 8. Белый мир	32
Отражение	33
Образ 9. Чёрный мир	34
Отражение	34
Образ 10. Мост	35
Отражение	35
Образ 11. Исчезнувшие города	36
Отражение	36
Образ 12. Мир диابلеро	37
Отражение	37
Образ 13. Волшебные превращения	38
Отражение	38
Образ 14. Дымок	40
Отражение	40
Образ 15. Искусство сновидения	40
Отражение	41
Образ 16. Бессмысленность снов	41
Отражение	41
Осколок 4. Другие сущности	43
Образ 1. Типы существ	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Василий Джелдашов

Карлос Кастанеда. Расколотое знание

Авторское предисловие

«Здесь даётся историческое объяснение тому явлению, которое всегда считалось трудным для объяснения, явлению всемирного сходства фольклорных сюжетов. Сходство это гораздо шире и глубже, чем это представляется невооружённому глазу». Так пишет В. Я. Пропп в предпоследнем абзаце своей книги «Исторические корни волшебной сказки». Книга эта интересна и местами поучительна, но увидеть это можно лучше всего в свете того, что написал Карлос Кастанеда. А в книге В. Я. Проппа, как и в любой подобной работе, вы найдёте только перечисление добытых сведений и изредка довольно-таки слабые объяснения этого *всемирного сходства*. «Я потратил годы, пытаюсь разгадать культурную матрицу этой системы верований, причины её происхождения и распространения, совершенствуя таксономию и классификационные схемы. И всё впустую, если принять во внимание, что в конечном итоге непреодолимые силы, заложенные в самой этой системе, направили мой интерес в иное русло и превратили меня из отстранённого наблюдателя в непосредственного участника событий». Это пишет К. Кастанеда в книге «Дар Орла». Мне же повезло и не пришлось тратить годы на поиск этой матрицы. Просто после неоднократного прочтения книг Кастанеды в мои руки попала книга В. Я. Проппа – и всё встало на свои места. (Может, после прочтения моей книги для вас тоже всё станет ясно или станет ясно так же, как и мне.) Теперь через матрицу книг Кастанеды я смотрю на всё, и, надо признать, не без успеха (не забывая, однако, о том, что дон Хуан предостерегает от поиска доказательств).

Предлагаемая вниманию читателей книга получилась как трёхслойный пирог: первый слой – цитата из Кастанеды, второй – из прочих лиц (и Кастанеды), третий же слой – творение вашего покорного слуги.

Книга поделена на главы, каждая глава разбита на *Осколки*, которые, в свою очередь, состоят из *Образов* и их *Отражений*. В части *Образ* даётся своего рода заглавная цитата (цитаты) из какой-либо книги Кастанеды или Флоринды Доннер. В части *Отражение* даются «параллельные» цитаты из различных источников, дополнительные цитаты из Кастанеды и комментарии автора данной книги, которые внутри цитат даны в квадратных скобках (...); при большинстве цитат даны ссылки (список использованной литературы в конце книги).

Природа – сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Тютчев Ф. И.

Введение

*Сбейте оковы,
Дайте мне волю:
Я научу вас свободу любить.*
Крестовский В. С.

Давайте сравним мир Кастанеды и мир мифологии, сравним мир того, что донесла, сохранила для нас народная память, с тем, что рассказал нам Карлито. И ведь можно руководствоваться тем, что написано у Ф. Доннер: «Мифы – это сны выдающихся сновидящих». Я думаю, что по мере того как человечество удалялось от Магического Знания, все достижения в этом Знании превратились в Миф, в Золотой Сон человечества.

В. Я. Пропп в разделе «Переосмысление обряда сказкой» пишет, что «такое прямое соответствие между сказкой и обрядом встречается не так часто. Чаще встречается другое соотношение, другое явление, явление, которое можно назвать переосмыслением обряда. Под переосмыслением здесь будет пониматься замена сказкой одного какого-нибудь элемента (или нескольких элементов) обряда, ставшего в силу исторических изменений ненужным или непонятным, – другим, более понятным.

Термин «переосмысление» удобен в том отношении, что он указывает на происшедший процесс изменений. Факт переосмысления доказывает, что в жизни народа произошли некоторые изменения, и эти изменения влекут за собой изменение и мотива. Эти изменения во всяком отдельном случае должны быть показаны и объяснены». (*Корни.*)

Я бы назвал это не *переосмыслением* и *заменой*, а полным, тотальным забвением магических действий, некогда бывших во владении всего человечества. И что это за изменения и почему они произошли, так, по сути, и не определено. Дежурные же слова о прогрессе и переходе на более *высокий уровень цивилизации* – не более чем пустые слова. А вся неизбывная тоска человечества по утраченной магической силе вылилась в сказки, обряды, мифы, мечты об утраченном Золотом Веке.

Задуманное дело – серьёзное. Как вернуться к истокам, как найти их? «Ты, в общем, человек серьёзный, только твоя серьёзность направлена на то, что тебя занимает, а не на то, что стоит внимания. Ты слишком занят собой. В этом вся беда. Отсюда твоя ужасная усталость.

А как же должно быть иначе, дон Хуан?

Нужно искать и видеть чудеса, которых полно вокруг тебя. Ты умрёшь от усталости, не интересуясь ничем, кроме себя самого; от этой-то усталости ты глух и слеп ко всему остальному» (*К-1*).

Не относятся ли эти слова и к любому из нас? Не такова ли и наша *серьёзность*, а также – интеллектуальность, порядочность и прочее, прочее, прочее. А ведь «Видеть в чудесном чудесное – вот ключ ко всем тайнам мира». Это сказал Лао-цзы. Не бывало ли у него прозрений в *нагвале*?

От себя могу добавить: «Видеть в чудесном чудесное» – значит не видеть в этом что-либо страшное, магическое, мистическое или какую другую чепуху, что свойственно пустым людям. То есть облако – это облако, а не какой-то фантастический образ, хорошая песня – это просто хорошая песня, а её исполнитель не *свет в окне*. Или, как полностью гласит эта поговорка: «Не только свету, что в окне, на улицу выйдешь – больше увидишь».

Вы замечаете, как обыденно и с каким привычным пренебрежением говорят *цивилизованные учёные* о примитивности «диких племён». Но, если Золотой Век был в далёком прошлом, значит, он был в *диком времени*? Тогда получается, что дикие племена гораздо ближе

к Золотому Веку, чем Золотой Миллиард современной *цивилизации*, низведшей волшебные чудеса сначала к обрядам и ритуалам, потом к сказкам и мифам и в конце концов к диссертациям и научным званиям.

«Пока обряд существовал как живой, сказок о нём быть не могло». (*Корни.*) Верно замечено, но выводы хороши только для научной карьеры. Да и выводов, собственно, никаких нет; не более чем прошедшие незамеченными догадки. И совсем другое известно дону Хуану.

«Затем он заговорил о древнем человеке. Он сказал, что древний человек самым непосредственным и наилучшим образом знал, что делать и как делать что-либо. Но, выполняя все действия так хорошо, он начал развивать эгоизм, из-за чего у него возникла уверенность в том, что он может предвидеть и заранее намечать действия, которые он привык выполнять. Вот так появилось представление об индивидуальном «я», которое начало диктовать человеку характер и диапазон его действий. По мере того как ощущение индивидуального «я» усиливалось, человек постепенно утрачивал естественную связь с безмолвным знанием. Современный человек, пожиная плоды этого процесса, в конечном счёте обнаруживает, что безвозвратно утратил связь с источником всего сущего и что ему под силу лишь насильственные и циничные действия, порождённые отчаянием и ведущие к саморазрушению. Дон Хуан утверждал, что причиной человеческого цинизма и отчаяния является та небольшая частица безмолвного знания, которая у него ещё осталась и, во-первых, даёт человеку возможность интуитивно почувствовать свою связь с источником всего сущего, во-вторых, понимание того, что без этой связи у него нет надежды на покой, удовлетворение, завершённость» (К-8).

И весь мировой фольклор подтверждает это. И не только мифология, но и прозрения некоторых людей – учёных, поэтов, мистиков, да и любого *обычного* человека – могут дать примеры таких, так сказать, *обмороков сознания*, когда они случайно прикасаются к океану непознанного; и называют это как угодно, но только не прикосновением к подлинному знанию. А ведь «люди и не подозревают о странной силе, которую несут в себе» (К-8).

«Вторым вопросом была культурная подоплёка знания дона Хуана. Он и сам её не знал, рассматривая своё знание как продукт своего рода всеиндейский. Его предположение относительно этого знания состояло в том, что когда-то в мире индейцев, задолго до завоевания, ожило искусство управления вторым вниманием. Оно, вероятно, в течение тысячелетий развивалось без помех и достигло той точки, на которой потеряло свою силу. Практики того времени могли не испытывать надобности в контроле, поэтому второе внимание, не имея ограничений, вместо того чтобы становиться сильнее, ослабло из-за возросшей усложнённости. Затем явились испанские завоеватели и своей превосходящей технологией уничтожили индейский мир.

Дон Хуан сказал, что его учитель убеждён, будто лишь горстка тех воинов выжила, смогла вновь собрать своё знание и отыскать свою тропу. Всё, что дон Хуан и его бенефактор знали о втором внимании, было лишь реставрированной версией, имеющей встречные ограничения, потому что она оформлялась в условиях жесточайшего угнетения» (К-6). Таким образом, Знание, сохранённое линией дон Хуана, я рассматриваю как всечеловеческий продукт и не как часть целого, а именно как целостное знание, сохранённое древними магами, в отличие от того, что сохранила мифология.

Древние люди были не умнее и не глупее нас, и когда пришла необходимость спасти Знание, то они не просто ушли в подполье, а закодировали Знание, создав сказки, обряды, мифы. Это было кладом, спрятанным у всех на глазах, а уцелевшие воины знания сохраняли практики этого Знания. Теперь благодаря Кастанеде у нас опять появилась возможность собрать воедино целостное некогда Знание. Не упустим же эту возможность. Если не всем человечеством, то поодиночке или всё большим и большим числом малых групп. Нам

открылся волшебный шанс, открылось Знание, и только от нас зависит, полетим ли мы вместе с Птицей Удачи или останемся в кругу повседневных мелочных забот.

Хотя у Кастанеды можно найти и такое: «Я поинтересовался, можно ли сделать что-нибудь, чтобы люди стали более гармонично относиться к светимости осознания.

– Нет, – ответил дон Хуан. – По крайней мере, видящие не могут сделать ничего. Цель видящих – свобода. Они стремятся стать ни к чему не привязанными созерцателями, неспособными выносить суждения. Иначе им пришлось бы взять на себя ответственность за открытие нового, более гармоничного цикла бытия. А этого не может сделать никто. Новый цикл, если ему суждено начаться, должен прийти сам по себе» (К-7). Тем не менее это не отменяет того, что вы можете сами изменить себя. И когда нас, изменивших себя, наберётся критическая масса – новый цикл человечества откроется. Необходимо понимать, что «поиск новых, лучших способов объяснения – долг нагвала. Ведь время вносит свои изменения во всё. Поэтому каждый новый нагваль должен вводить новые слова и новые понятия, чтобы описывать то, что видит» (К-7). Нужно также осознать, что каждый, тем более ищущий Знание, должен сначала достигнуть понимания внутри себя, рассеять собственную темноту неведения. Будьте нагвалем для самих себя. Этому-то ничто не мешает!

«Существует два способа изложения магического искусства. Первый – с помощью метафоричных описаний мира магических измерений. Второй – с помощью абстрактной терминологии, свойственной теории и практике магии» (К-9). А «Расколотое Знание» – лишь введение в мир старого волшебного знания.

Небольшой Постскрипtum. Как это ни смешно, но Кастанеду возвели на пьедестал, как какого-нибудь гуру. Если же внимательно прочитать его книги, то должно понять, что он – всего лишь посредник, передатчик Знания, единственно нам необходимого Знания. И за это, и только за это, ему невыразимая моя благодарность. А Кастанеда и – «гуру»...

Глава первая Мир

Осколок 0. У меня есть мечта

Я свободен...
Мартин Лютер Кинг

Образ 0.

У человечества много желаний, и, быть может, самое сладостное и недостижимое – это Свобода. Но известна ли жаждущим свободы её суть и тяжесть?

«Маги говорят о магии как о волшебной таинственной птице, которая на мгновение останавливает свой полёт, чтобы дать человеку надежду и цель; что маги живут под крылом этой птицы, которую они называют птицей мудрости, птицей свободы; что они питают её своей преданностью и безупречностью. Он рассказал ей, что маги знают: полёт птицы свободы – это всегда прямая линия, у неё нет возможности сделать круг, нет возможности поворачивать назад и возвращаться; и что птица свободы может сделать только две вещи: взять магов с собой или оставить их позади.

Нельзя забывать даже на мгновение, что птица свободы не особенно жалуется на нерешительность, и если она улетает, то не возвращается никогда» (К-8).

Отражение

В мировом фольклоре много разных птичек, но вот есть ли такая же? «Представление о птице, несомненно, одно из древнейших. Представление о душе-птице или о душе, уносимой птицей, сохраняется в Египте, в Вавилоне, в Античности, и все эти формы близки к сказке и объясняют её». (*Корни.*) Но что несомненно, так это то, что все эти представления связаны с переправой всего лишь в потусторонний мир. Или в тридесятое царство, которое иногда есть царство Солнца. «Наконец, в христианстве, в образе крылатых ангелов, уносящих душу, мы имеем последние остатки этой веры». (*Корни.*)

Алконост – в русских легендах райская птица, как и Сирин. Пение Алконоста настолько прекрасно, что услышавший его забывает обо всём на свете. В русских духовных стихах Сирин, спускаясь из рая на землю, зачаровывает людей своим пением. Слово же *Сирин* производят от греческих *сирен*. Таким образом, мы видим, что от птицы свободы, от того, что она может дать человеку, осталось только воспоминание о сладости её обещаний. Козьма Прутков заметил, что «счастье подобно шару, который подкатывается: сегодня под одного, завтра под другого, послезавтра под третьего, потом под четвёртого, пятого и т. д., соответственно числу и очереди счастливых людей». Это очередной пример того, в какую примитивность и банальность выродилось утраченное Знание.

И, таким образом, *цивилизационное* развитие человека уводит его всё дальше и дальше от Золотого Века, который был где-то рядом, в какой-то реальности...

Осколок 1. Реальность и Творец

Верите ли вы в «реальность»? Знаете ли вы, в какой именно «реальности» вы живёте? Как вы определяете «реальность» окружающего вас мира? И что есть Реальность?

Образ 1. Что реально?

«Я возразил, что всё событие в целом не могло быть битвой силы, потому что оно не было реальным.

– А что реально? – очень спокойно спросил дон Хуан.

– Вот это, то, на что мы смотрим, – реально, – ответил я, обведя рукой окружавший нас пейзаж.

– Но мост, который ты видел ночью, и лес, и всё остальное – всё было таким же.

– Тогда куда оно всё делось? Если всё это реально, где оно сейчас?

– Здесь. Если бы ты обладал достаточной силой, ты мог бы вызвать всё, что видел ночью. Вызвать прямо сейчас. Но сейчас ты на это неспособен, потому что находишь большую пользу в том, чтобы сомневаться и цепляться за свою реальность. Однако в этом нет никакой пользы, приятель. Никакой. Прямо здесь, перед нами, расстилаются неисчислимые миры. Они наложены друг на друга, друг друга пронизывают, их множество, и они абсолютно реальны» (К-3).

Отражение

«Глядя на мир, нельзя не удивляться!» Ну а реалист скажет, что это больше похоже на сказки или бредни доморощенных мистиков. А мы – реалисты – знаем, что видим, знаем, что реально, а что – нет. Или как в анекдоте, который родила постперестроечная чехарда: Оптимист изучает английский, Пессимист – Уголовный кодекс, а Реалист – автомат Калашникова. А реальность всё-таки проста и повседневна; хотя у человека нет под рукой критериев, чтобы отделить реальность от призраков. И вообще, давайте говорить по-русски: *Явь* – это наш существующий, повседневный (реальный) мир, а *Навь* – потусторонний, параллельный (ирреальный) мир.

«Повседневный мир существует только потому, что мы знаем, как удерживать его образы» (К-5). Вот к этому ещё бы научиться действовать так, как подобает сознательному существу, чтобы не запутаться в нашей реальной реальности, которую мы *знаем*, но не *осознаём*. Кстати, в русских волшебных сказках Явь и Навь, по сути, различаются не так, как ныне, то есть они не делятся на родной, привычный, свой мир и на мир враждебный, чужой, недостижимый.

Образ 2. Видимость действительности

«– Я в самом деле чувствовал, что тела больше нет.

– Так оно и было.

– Ты имеешь в виду, что у меня действительно не было тела?

– А ты сам что думаешь?

– Да откуда я знаю! Я могу сказать тебе только то, что я чувствовал.

– Вот так оно и есть в действительности: то, что ты чувствовал» (К-1).

Отражение

К сожалению, мы *знаем* только ту реальность, что *объяснена* нам наукой; о волшебной реальности мы не знаем ничего (ни как туда попасть, ни как там действовать).

«— Но вот если бы ящерица умерла у тебя на плече, когда колдовство уже началось, тогда пришлось бы его продолжать, а это уж действительно безумие.

— Почему безумие?

— Потому что в этом случае всё теряет смысл. Ты один, без проводника, и видишь устрашающие и бессмысленные вещи.

— Что значит – бессмысленные?

— То, что мы видим сами по себе. Вещи, которые мы видим, когда лишены направления» (К-1). Но, конечно, это не то направление, которое нам придают наши обыденные заботы, чаяния, надежды; то есть жить надо не «по направлению к Свану», а по направлению к свободе.

«Подумай вот о чём. Мир не отдаётся нам прямо. Между нами и ним находится описание мира. Поэтому, правильно говоря, мы всегда на один шаг позади, и наше восприятие мира – всегда только воспоминание о его восприятии. Мы вечно вспоминаем тот момент, который только что прошёл. Мы вспоминаем, вспоминаем, вспоминаем» (К-4).

Совсем иные – *правильные* – объяснения могут дать нам учёные. Но будут ли их объяснения соответствовать реальности? Любой реальности.

«Наблюдатель, смотрящий на объект, видит больше того, что есть на самом деле.

Гораздо более экономно передавать сведения об отдельных свойствах, каждое из которых может быть применено для описания ряда изображений, чем описывать каждый раз всё изображение заново. «К месту будет вспомнить «шутку», устроенную с доном Хуаном четырьмя Тулио – Тулиуно, Тулидуо, Тулитренто, Туликварто!

После выделения простых признаков изображения происходит уменьшение избыточности за счёт перекодирования поступающих сигналов, а этот этап является, в свою очередь, переходным к следующему, где количество переданной информации определяется не сложностью изображения на сетчатке, а числом образов, которому научен наблюдатель.

Ко всякому раздражению, адекватному для глаза, уха, кожи, обязательно примешивается кинестетический компонент.

При формировании образа предмета прежде всего происходит обобщение в зоне кинестетических проекций, а уже затем в систему включаются и очаги возбуждений в корковых проекциях других анализаторов.

Экспериментально установлено, что достаточно человеку подумать о движении, как оно начинается в виде изменения тонуса определённых групп мышц.

Первый алгоритм – совпадения – выделения общих признаков. Второй – несовпадения несовпадающих элементов.

В процессе опознания по алгоритму совпадения каждое этапное решение представляет собой выделение альтернатив классов, которые могут быть при наличии данного признака. С предъявлением каждого последующего признака число альтернатив постепенно уменьшается вплоть до того момента, когда набор признаков станет достаточным, чтобы принять однозначное решение о назначении объекта.

Решение задач распознавания протекает быстрее, если искомыми компонентами в системах взаимодействующих структур являются общие признаки и соответствующие им классы, и наоборот, процесс опознания значительно замедляется, когда требуется установить связь между несовпадающими членами структур. Наряду с этим решение задач распознавания в первом случае протекает быстрее и с меньшим количеством ошибок.

Согласно гипотезе ближайшую основу психических процессов составляют не нервные клетки и волокна (они – только анатомический субстрат), а разнообразные качественно различные формы возбуждения». (*Власова.*)

«Подобно тому, как солнце не приобретает своего блеска по выходе из-за облаков, но сияет непрерывно, не светит же нам и не видимо же нами только по причине закрывающих его от нас паров, так и наша душа: она приобретает способность видеть будущее не по выходе своём из телесной своей оболочки, но обладает ею и во время нашей земной жизни, не видит же теперь будущего потому, что опутана узами тела». (*Плутарх. Цит. по Дюпрель.*)

Но кто создал этот Мир и все его сложности? (Хотя так ли уж важен этот вопрос? То есть практически-то он необходим, но *важен* ли этот вопрос?)

Образ 3. Орёл – бог

«Я сказал, что Орёл порождает осознание посредством своих эманаций, это звучит так же, как Бог порождает жизнь посредством своей любви. Типичное для человека религиозного утверждение; однако сказать так – значит ничего не сказать.

– В основе этих двух утверждений лежат две различные точки зрения, – сказал дон Хуан. – Хотя я думаю, что оба они – об одном. Разница в том, что видящий видит, как Орёл порождает осознание посредством своих эманаций, а человек религиозный не видит, как Бог порождает жизнь посредством своей любви» (К-7).

Отражение

«Сибирские материалы по культу орла интересны ещё другим: они показывают взаимоотношение между обладателями орла и орлом-помощником. Между птицей и шаманом существует теснейшая связь. На языке гиляков орёл носит такое же название, как и шаман, именно «чам». (*Корни.*)

Можно сказать, что шаблон, порождение Орла, занял место Бога в нашем восприятии. То есть это Орёл – Бог, это он породил и нас, и шаблон, штампующий нас, и вообще всё живое на этой прекрасной Земле.

Но, как говорит пословица – «Бог-то бог, да сам не будь плох», «На бога надейся, а сам не плошай», «Бог даст – и в окошко подаст» и так далее. Можно сказать, что даже не очень глубокое освоение знаний, предложенных Кастанедой, значительно облегчает путешествие по жизни; это знание гораздо эффективнее многих других «учений», так как *нагвализм* – это чисто практическое учение, не отягчённое служением кому-либо или чему-либо.

Есть люди – их кошмарно много,
чья жизни отданы тому,
чтоб осрамить идею Бога
своим служением ему.

«Гарики»

Осколок 2. Сотворение жизни

То, что одни народы увидели в образе Орла, другие увидели как Древо Жизни. Однако тот или иной *конкретный* образ является, скажем мягко, не совсем верным.

Образ 1. Древо жизни

«Сила, правящая судьбой всех живых существ, называется Орлом. Не потому, что это орёл или что-то, имеющее нечто общее с орлом либо как-то к нему относящееся, а потому, что для видящего она выглядит как неизмеримый иссиня-чёрный Орёл, стоящий прямо, как стоят орлы, высотой уходя в бесконечность» (К-6).

Отражение

Это Древо называют по-разному и иногда в связи с орлом. Европейцы, например, назвали эту силу Древом Жизни, а не Орлом.

«Дождевые тучи, потемняющие небесный свод широко раскинутой и многоветвистой сению, в глубочайшей, незапамятной древности были уподоблены дереву-великану, обнимающему собою весь мир, – дереву, ветви которого обращены вниз – к земле, а корни простираются до самого высокого неба. О таком всемирном дереве сохраняются самые живые предания во всех языческих религиях арийских народов, и после превосходных исследований Куна несомненно, что это баснословное дерево есть мифическое представление тучи, живая вода (амрита) при его корнях и мёд, капающий с его листьев, метафорические названия дождя и росы.

Эдда рассказывает о старом, мировом, серединном дереве Иггдразилли. По ветвям и у корней Иггдразилли размещаются различные животные; орёл, белка, четыре оленя и змеи. Имя орла неизвестно; но это – мудрая многознающая птица, промеж глаз которой сидит ястреб». Такие сведения приводит А. Н. Афанасьев в своём объёмистом труде «Поэтические воззрения славян на природу». Сведения – и не более того.

Имя орла неизвестно – да и зачем этой сущности имя? Она существовала до нас и будет существовать после. Нам же так безумно хочется пригвоздить её какой-либо кличкой, заклеить её. Но ведь и только, это всё, что мы можем сделать с этой силой, а вот действовать так, как она того требует, – мы ленимся.

«Взял он мешок и полез на дуб. Лез, лез и взобрался на небо. Здесь русская сказка отражает широкое представление, что два мира (а иногда и три – подземный, земной и небесный) соединены деревом. Этому представлению посвящена глава 7 работы Штеренберга о культе орла у сибирских народов. Самое интересное для нас то, что представление о дереве-посреднике связано с представлением о птице». (*Корни.*) Как мы видим, наше предположение подтверждается. Эта сила в народной памяти стала восприниматься то деревом, то птицей, то орлом на дереве (может, в этом случае имел место обмен опытом древних шаманов?).

Образ 2. Орлиное древо

«– Я поинтересовался, почему источник эманаций назвали Орлом. Потому ли, что орлам вообще люди склонны приписывать важные свойства?»

Просто в данном случае нечто непознаваемое смутно напоминает образ из сферы известного. И в результате орлам стали приписывать свойства, которыми они никогда не обладали. Но подобные вещи происходят всегда, когда впечатлительные люди берутся за то,

что требует абсолютной уравновешенности. Ведь среди видящих встречаются самые разные типы.

– То есть ты хочешь сказать, что существуют различные типы видящих?

– Нет. Я хочу сказать, что существует масса сентиментальных глупцов, которые становятся видящими. Ведь видящие – человеческие существа, не лишённые множества слабостей. Нет, не так. Человеческие существа, не лишённые множества слабостей, способные стать видящими. Это подобно тому, как иногда жалкие людишки становятся отличными учёными.

Такие видящие забывают о том удивительном чуде, каковым является мир. И когда жалкий человек становится видящим, сам факт его способности видеть полностью захватывает его. Он воображает себя гением, считая, что всё остальное не имеет значения. Чтобы прорваться сквозь почти непреодолимую расхлябанность обычного человеческого состояния, видящий должен обладать абсолютной безупречностью. И сама по себе способность видеть имеет значение лишь постольку-поскольку. Гораздо важнее другое – что именно видящий делает с тем, что он видит.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

– А ты посмотри, что с нами сотворили некоторые из видящих. Ведь мы накрепко приклеены к навязанному нам образу Орла, пожирающего нас в миг нашей смерти.

Потом он сказал, что в таком варианте описания налицо некоторая ущербность и что лично ему не нравится идея относительно чего-то нас пожирающего. С его точки зрения, точнее было бы говорить о некоей силе, притягивающей осознание существ подобно тому, как магнит притягивает опилки. В момент смерти под действием этой грандиозной силы происходит дезинтеграция всего нашего существа.

И вообще, нелепо представлять такое явление в виде пожирающего нечто Орла, поскольку неопишемое таинственное действие превращается тем самым в тривиальное «принятие пищи» (К-6).

Отражение

В Европе эта сила – что-то конкретное, а вот на Востоке – абстрактное. «Итак, всё, что присутствует в мире, да и сам мир форм порождается неким вездесущим началом, именуемым Дао. Впрочем, название большого значения не имеет, так как Дао всё равно нельзя выразить с помощью слов, ощутить органами чувств или как-то объяснить. Оно «безымянно», то есть на самом деле никак не называется. Стоит лишь как-то обозначить его – и оно тотчас утрачивается, так как сознание привязывается к какому-то термину вместо того, чтобы вообще освободиться от слов и знаков». (*Мистерия.*)

В силу своего образа мышления европейцы увидели в этой сущности не Орла, а Мировое Древо. Ведь даже сознание европейца привязывается к какому-то термину и *мыслью пробегает по древу*. Вот ещё свидетельство: «У якутов каждый шаман имеет «шаманское дерево», то есть высокий шест с перекладинами наподобие лестницы и с изображением орла на вершине. Это дерево связано с посвящением в шаманы». (*Корни.*) Как мы видим, у шаманов образы *Древа Жизни* и *Орла* ещё идут в одной связке, а вот более *цивилизованные* народы растеряли на пути *прогресса* многие знания и умения, в частности, и этот образ у них превратился в простую сказку. Только некоторые учёные ещё что-то знают.

Вот посмотрите, сколько названий было придумано народами для этой сущности и зафиксировано в учёных трудах. «Образ Мирового Древа засвидетельствован практически повсеместно или в чистом виде, или в вариантах (нередко с подчёркиванием той или иной частной функции) – *дерево жизни, дерево плодородия, дерево центра, дерево восхождения, небесное дерево, шаманское дерево, мистическое дерево, дерево познания* и т. п.; более ред-

кие варианты: *древо смерти, древо зла, древо подземного царства, древо нисхожденья*. (Мифы.)

Каким же только не помнится этот образ человечеству, но каково значение этого образа! «Образ Мирового Древа играл особую организующую роль по отношению к конкретным мифологическим системам, определяя их внутреннюю структуру и все их основные параметры. Эта роль наглядно выступает при сравнении с тем, что предшествовало эпохе Мирового Древа в том виде, как эту стадию представляли себе люди последующей эпохи. Речь идёт о довольно стандартных описаниях беззнакового и беспризнакового хаоса, противостоящего знаково организованному космосу». (Мифы.)

И всё-таки «некоторые мифы прямо указывают на то, что это Древо – Древо Жизни; и каким образом оно порождает жизнь. У каждого рода нанайцев было своё особое дерево, в ветвях которого плодились души людей, спускавшиеся затем в виде птичек на землю, чтобы войти в чрево женщины из этого рода». (Мифы.)

А «зендская мифология знает небесное Древо Жизни, от которого произошли на Земле целебные и все другие растения и злаки. Его называли также орлиным деревом, потому что на нём восседает подобная орлу птица; как только она подымается с дерева – на нём вырастает тысяча новых ветвей, как скоро садится – то обламывает тысячу старых и сотрясает с них семена». (Афанасьев.)

«В архаичных традициях существуют многообразные тексты, прямо или косвенно связанные с Мировым Древом.

Прежде всего такие тексты описывают основную сакральную ценность – само Мировое Древо, его внешний вид, его части, атрибуты, связи и т. п. В этих текстах Мировое Древо изображается статично и, как правило, в изолированности от нужд человеческого коллектива». (Мифы.) То есть человеческая часть Орла слишком мала, чтобы он смог обратить внимание на мольбы и просьбы человека. И ничего, кроме такого нечёткого, но, казалось бы, развёрнутого определения Древа Жизни фольклор всё же не даёт.

Однако как был создан человек, как была создана жизнь?

Образ 3. Матрица

«Нагваль сказал, что иногда, когда у нас достаточно личной силы, мы можем схватить проблеск шаблона, даже если мы и не являемся магами. Когда это случается, мы говорим, что видели Бога. Он сказал, что если мы называем его Богом, то это правда. Шаблон – это Бог» (К-5).

«Он объяснил также, что каждому биологическому виду соответствует своя матрица, поэтому каждый индивид, принадлежащий к некоторому виду, обладает свойствами, для данного вида характерными.

Дон Хуан сказал, что у древних видящих и мистиков нашего мира была одна общая черта – и тем и другим удалось увидеть человеческую матрицу, но ни те ни другие не поняли, что это такое. Веками мистики потчевали нас душещипательными отчётами о своём духовном опыте. Но отчёты эти, при всей их красоте, содержали в себе грубейшую и совершенно безнадежную ошибку – их составители верили во всемогущество человеческой матрицы. Они думали, что это и есть всеведущий творец. Примерно так же интерпретировали человеческую матрицу и древние видящие. Они считали, что это – добрый дух, защитник человека.

И только у новых видящих хватило уравновешенности на то, чтобы, увидев человеческую матрицу, трезво понять, что это такое. Они смогли осознать: человеческая матрица не есть Творец, но просто структура, составленная всеми мыслимыми и немыслимыми атрибутами и характеристиками человека – всеми, какие только могут в принципе существовать.

Матрица – наш Бог, поскольку всё, что мы собой представляем, ею отштамповано, но вовсе не потому, что она творит нас из ничего по своему образу и подобию. И когда мы преклоняем колени перед человеческой матрицей, мы совершаем поступок, от которого весьма заметно несёт высокомерием и антропоцентризмом» (К-7).

«Вера в существование Бога основана на том, что кто-то кому-то когда-то сказал, а не на твоём непосредственном видении.

Он продемонстрировал мне это с помощью механической аналогии. Он сказал, что это похоже на гигантский штамп, который без конца штампует человеческие существа, как будто некий гигантский конвейер доставляет к нему заготовки и уносит готовые экземпляры. Как бы изображая ладонями пуансон и матрицу этого гигантского штампа, дон Хуан крепко сжал их, а затем вновь разжал, чтобы выпустить свежештампованного индивида.

Человеческую матрицу можно видеть в двух различных образах: в образе человека и в образе света. Всё зависит от сдвига точки сборки. При поперечном сдвиге ты видишь образ человека, при сдвиге в среднем сечении человеческой полосы матрица – это свет.

Затем дон Хуан встал и сказал, что пришло время вернуться и пройти по городу, поскольку человеческую матрицу я должен увидеть, находясь среди людей. В молчании мы дошли до площади, но прежде, чем мы на неё вышли, я ощутил неудержимый всплеск энергии и ринулся вдоль по улице к окраине городка. Я вышел на мост. Человеческая матрица словно специально меня там дожидалась. Я увидел её – дивный тёплый янтарный свет.

Я упал на колени, но это не было продиктовано набожностью, а явилось физической реакцией на чувство благоговения. Зрелище человеческой матрицы было в этот раз ещё более удивительным, чем когда-либо прежде. Я почувствовал, как сильно я изменился с того времени, когда видел её впервые. В этом чувстве не было ни высокомерия, ни самолюбования, просто всё, что я видел и узнал за прошедшие годы, позволило мне гораздо лучше и глубже постичь возникшее перед моими глазами чудо.

Человеческая матрица была бессильна защитить меня или пощадить, но всё равно я любил её страстно, и страсть моя не знала границ.

Я бы с радостью навек остался слугой человеческой матрицы, и не за то, что она мне что-то даёт – ведь дать она ничего не может, а просто из-за чувства, которое я к ней испытывал.

Я ощутил, как что-то потянуло меня прочь. Прежде чем исчезнуть, я закричал, что-то обещая человеческой матрице, но закончить не успел – мощная сила подхватила меня и сдула прочь. Я стоял на коленях посреди моста, а собравшиеся вокруг крестьяне надо мной смеялись.

Подожёл дон Хуан, помог мне встать и отвёл домой.

– А ты уверен в том, что понял, чем в действительности является человеческая матрица? – спросил он с улыбкой» (К-7).

Отражение

О другой стороне восприятия говорит небезызвестный Донасьен: «Только из колодца невежества, тревог и несчастий смертные почерпнули свои неясные и мерзкие представления о божественности! Если внимательно изучить все религии, легко заметить, что мысли о могущественных и иллюзорных богах всегда были связаны с ужасом. Мы и сегодня трясемся от страха, потому что много веков назад так же тряслись наши предки. Если мы проследим источник нынешних страхов и тревожных мыслей, возникающих в нашем мозгу всякий раз, когда мы слышим имя Бога, мы обнаружим его в потоках, природных возмущениях и катастрофах, которые уничтожили часть рода человеческого, а оставшихся несчастных заставили падать ниц.

Если всё движется само по себе извечно, главный двигатель, который вы предполагаете, действовал только однажды и один раз: так зачем создавать культ Бога, доказавшего свою бесполезность?

Несчастья и беды, свирепствующие на Земле, разрушительные природные явления – это, разумеется, главные причины; плохо понятые и неправильно истолкованные явления физики – вторая причина, а третьей была политика». (*Сад Д.-А.-Ф. Жюстина.*) Здесь можно добавить то, что сказал *простой* немецкий вояка: «Морального... вне понятий о государстве и закона не существует». (*Карл Клаузевиц.*)

«Нагваль говорил мне, что человеческая форма – это сила, а человеческий шаблон – это... ну... шаблон. Он сказал, что всё имеет свой особый шаблон. Растения имеют шаблоны, животные, черви.

Дон Хуан сказал, что я столкнулся в сновидении с человеческим шаблоном. Он объяснил, что для вступления в контакт с человеческим шаблоном маги располагают таким средством, как сновидение. И что шаблон людей является определённой сущностью, которую могут видеть только маги, когда они насыщены силой, и, безусловно, все – в момент смерти. Он описал шаблон как источник, начало человека. Без шаблона, группирующего вместе силу жизни, эта сила не имеет возможности собраться в человеческую форму. Он объяснил мой сон как краткий, очень упрощенный и мимолётный взгляд на шаблон. И ещё он добавил, что мой сон, безусловно, подтверждает, что я – человек схематичный и приземлённый.

Видеть шаблон как обычного земного человека, а затем ещё и как животное – действительно очень упрощенное видение.

Человеческий шаблон пылает и всегда находится в водных дырах и водных лощинах. Он питается водой. Без воды нет шаблона» (К-5).

«Без воды нет шаблона», это вам о чём-нибудь говорит? А вы вспомните обряд крещения.

Однако шаблон всего лишь придаёт форму, соединяет в этой форме какое-то количество энергии. Но как всё-таки новое существо наделяется *жизнью*?

Образ 4. Опрокидыватель

«В церковь шли люди. Множество людей. Несколько мужчин и женщин находились совсем рядом со скамейкой. Я хотел было сфокусировать глаза на этих людях, но вместо этого вдруг заметил, как начало разбухать одно из волокон. Оно превратилось в нечто, похожее на огненный шар около семи футов в диаметре. Шар покатился ко мне. Первым моим импульсом было откатиться в сторону с его пути. Но прежде чем я успел пошевелиться, шар накатился на меня. Я ощутил удар, словно кто-то несильно попал мне кулаком под ложечку. Мгновение спустя меня ударил ещё один шар, на этот раз удар был гораздо ощутимее. А потом дон Хуан дал мне хорошую оплеуху. Я непроизвольно вскочил – и тут же светящиеся волокна и накатывающиеся на меня шары исчезли из моего поля зрения.

Дон Хуан сказал, что я успешно выдержал первую короткую встречу с эманациями Орла, однако пара толчков опрокидывателя опасно приоткрыла мой просвет. Он добавил, что шары, которые ударялись в меня, называются накатывающейся силой, или опрокидывателем.

– Что такое опрокидыватель?

– Опрокидыватель есть сила, исходящая из эманаций Орла. Сила, которая, ни на мгновение не останавливаясь, накатывается на нас в течение всей нашей жизни. Когда её видишь, она смертельна. Но в нашей обычной жизни мы её не замечаем, поскольку обладаем защитными экранами. У нас есть всепоглощающие интересы, занимающие всё наше сознание. Мы всё время беспокоимся о своём положении, о том, чем владеем. Тем не менее эти щиты не

избавляют нас от ударов опрокидывателя. Они просто не дают нам увидеть его непосредственно, предохраняя тем самым от поражения страхом, возникающим при виде огненных шаров, которые непрестанно ударяют нас. Экраны – большая помощь для нас, но и большая помеха. Они успокаивают нас и в то же время обманывают, сообщая нам ложное ощущение защищённости.

Дон Хуан объяснил, что значение этих огненных шаров для человеческих существ огромно, ибо они являются проявлением силы, имеющей самое непосредственное отношение ко всем деталям жизни и смерти. Саму эту силу видящие называют накатывающейся силой.

Накатывающаяся сила является средством, с помощью которого Орёл раздаёт в пользование жизнь и осознание. Но эта же сила – то, с помощью чего он, так сказать, взимает плату. Накатывающаяся сила заставляет все живые существа умирать. То, что ты сегодня видел, древние видящие назвали опрокидывателем.

Видящие описывают опрокидыватель как бесконечную последовательность радужных колец или огненных шаров, непрерывно накатывающихся на живые существа. Светящееся органическое существо грудью встречает накатывающуюся силу, пока не приходит день, когда оно уже не может с нею совладать. Тогда существо разрушается. Древние видящие были просто околдованы, когда увидели, как опрокидыватель сталкивает умирающее существо прямо к клюву Орла, и там оно поглощается. Именно поэтому древние назвали эту силу опрокидывателем.

С помощью группового созерцания новым видящим удалось увидеть разделение двух аспектов накатывающейся силы. Они увидели, что это – две силы, которые слиты, но не являются одним и тем же. Кольцевая сила приходит к нам чуть-чуть раньше опрокидывающей, но они настолько близки, что кажутся одним.

Кольцевой силу назвали потому, что она приходит в виде колец, нитеобразных радужных петель – очень тонких и деликатных. И точно так же, как опрокидывающая сила, сила кольцевая ударяет каждое живое существо непрерывно, однако совсем с другой целью. Цель её ударов – дать силу, направить, заставить осознавать, то есть дать жизнь» (К-7).

Отражение

Ах эти извечные вопросы Жизни и Смерти! Если о «жизни» человек болтает без остановки, то от одного только слова «смерть» некоторые просто впадают в ступор. И совершенно напрасно. Правда, мне маловато удалось найти образов, аналогичных этому, – это знание, которое сохранили суфии, не подозревая о его ценности. Очень краткий и ёмкий афоризм, добавлять что-либо к которому просто не имеет смысла, – «Милость Божья предшествует Гневу Его». (*Читтик.*) Возможно, что не только суфии увидели это явление и в проблеске знания определили, что именно милость предшествует гневу, но понимали ли они, о чём эти слова?

На время допустим, что Человек сотворён для Жизни. Но где есть Жизнь, там есть и Смерть. Известно, что Фрейд, как и мифология, прошлая и современная, обожествил смерть. Но бог ли – Танатос?

Образ 5. Страх смерти

«Я сказал, что не могу себе логически уяснить причину моей паники, и он заметил, что это не был страх смерти, а скорее страх потерять свою душу – страх, обычный для людей, у которых отсутствует непреклонная устремлённость» (К-1).

«Он сделал знак глазами. Я оглянулся, и мне показалось, что я заметил, как над камнем что-то мелькнуло. По спине прокатилась холодная волна, мышцы живота непроизвольно напряглись, и всё тело судорожно дёрнулось. Мгновение спустя я совладал с собой и тут же уверил себя в том, что движение, которое я заметил над камнем, – это оптическая иллюзия, вызванная резким поворотом головы.

– Смерть – наш вечный попутчик, – сказал дон Хуан предельно серьёзным тоном. – Она всегда находится слева от нас на расстоянии вытянутой руки.

Когда ты в нетерпении или раздражен, оглянись налево и спроси совета у своей смерти. Масса мелочной шелухи мигом отлетит прочь, если смерть подаст тебе знак, или если краем глаза ты уловишь её движение, или просто почувствуешь, что твой попутчик – всегда рядом и всё время внимательно за тобой наблюдает.

Я сказал, что верю и что в этом плане ему больше нет нужды на меня давить, потому что я и так в ужасе. Дон Хуан разразился своим раскатистым грудным хохотом.

Он ответил, что в вопросах, касающихся наших взаимоотношений со своей смертью, просто невозможно нажать на психику человека так сильно, как следовало бы. Но я возразил, сказав, что в моём случае бессмысленно столь углублённо это рассматривать, потому что ничего, кроме ощущения страха и дискомфорта, мысль о смерти мне не даёт.

– Ты просто доверху набит всяким вздором! – воскликнул он. – Единственный по-настоящему мудрый советчик, который у нас есть, – это смерть. Каждый раз, когда ты чувствуешь, как это часто с тобой бывает, что всё складывается из рук вон плохо и ты на грани полного краха, повернись налево и спроси у своей смерти, так ли это. И твоя смерть ответит, что ты ошибаешься и что, кроме её прикосновения, нет ничего, что действительно имело бы значение. Твоя смерть скажет: «Но я же ещё не коснулась тебя!» (К-3).

Отражение

«Смерть не имеет собственного бытийного содержания. Она живёт в истории мысли как квазиобъектный фантом, существенный в бытии, но бытийной сущностью не обладающий. Танатология молчаливо разделила участь математики или утопии, чьи объекты – суть реальность их описания, а не описываемая реальность». (*Исупов К. Г. Русская философия смерти. (XVIII – XX вв.). // Сб.: Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994.*)

Жизнь тоже не имеет «собственного бытийного содержания». Жизнь, которую мы описываем и даже которую не признаём, не есть реальность. Так как описывать и воспринимать – это говорить о том, что уже прошло, а значит, уже «не реально».

Вы только посмотрите, сколько же напридумано всяких сказок для взрослых, только чтобы заглушить страх смерти: «Индусская книга смерти», «Египетская книга мёртвых», «Тибетская книга мёртвых», да мало ли этаких «успокоилок»!

«Дон Хуан ещё раз повторил мне то, что объяснял несколько лет назад: наша смерть – это тёмное пятно чуть позади левого плеча. Маги знают, когда человек близок к смерти, потому что могут видеть похожее на движущуюся тень тёмное пятно, такое же по форме и размеру, как человек, которому оно принадлежит» (К-8).

Образ 6. Смерть по-тибетски

«У меня в багажнике лежала тибетская «книга мёртвых». Я решил использовать её в качестве предмета обсуждения, поскольку в ней речь идёт как раз о смерти.

Он внимательно слушал, не перебивая. Казалось, что ему очень интересно.

– Я не понимаю, почему эти люди говорят о смерти так, словно она похожа на жизнь, – мягко сказал он.

– Может, так они её понимают? Как ты думаешь, тибетцы, писавшие эту книгу, были видящими?

– Вряд ли. Если человек видит, то для него всё равнозначно. Если бы тибетцы могли видеть, они понимали бы, что ничто не остаётся прежним. Когда мы видим, нет ничего известного, ничего, что осталось бы в том виде, к какому мы привыкли, когда не видели.

– Но видение, наверно, не одинаково для всех?

– Не одинаково. Но это всё равно не означает, что жизнь имеет какое-то особое значение. Для видящего ничто не остаётся прежним, ему приходится пересматривать все ценности без исключения» (К-2).

Отражение

«Кто может пережить смерть? Только мёртвый». (*Лем С. Терминус.*) Но кто может объяснить Жизнь или Смерть? И зачем существует смерть?

Для веселия
планета наша
мало оборудована.
Надо вырвать
радость
у грядущих дней.
В этой жизни
помереть
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.

Маяковский В. В.

Рассуждения, а особенно собственные размышления о смерти очень пугают человека. Но реален ли этот испуг? «Смерть достаточно близка, чтобы можно было не *страшиться* жизни». Можно ли поверить этому взгляду Ницше? Жизнь для многих уже достаточно тяжела, а смерть нам ещё не сделала ничего плохого. Так как к ней относиться?

Можно, конечно, превратить смерть в источник финансовой прибыли; что давно уже сделано с танцем.

У современного человека от волшебства осталась только символика. И всякий танец, к примеру, есть символика, и всякий танец – обрядовый, классический, эстрадный и прочие – родился из танца воина.

Образ 7. Танец смерти

«– У каждого воина есть место смерти. Избранное место, насквозь пропитанное забываемыми, исполненными силы событиями, каждое из которых оставило неизгладимый след; место, на котором воин становился свидетелем великих чудес, в котором ему были поведаны тайны; место, где воин запасаёт свою личную силу.

Он либо просто приходит туда, либо попадает в сновидения. А в итоге, когда заканчивается время, отведённое ему здесь, на этой Земле, и он чувствует на левом плече прикосновение смерти, дух его, который всегда готов, летит в избранное место, и там воин совершает свой последний танец. Он танцует, и единственным зрителем является смерть. У каждого воина своя особая последовательность движений и поз. Они несут в себе силу. Этому свое-

образному танцу воин учится в течение всей жизни. Танцу, который воин исполняет под воздействием своей личной смерти. Если сила умирающего воина ограничена, танец его короток. Но если сила воина грандиозна, то его танец исполнен фантастического великолепия. Однако независимо от того, мала его сила или неизмерима, смерть должна остановиться. Смерть не может не стать свидетелем последнего танца воина на этой Земле. Этот танец есть рассказ воина о том тяжёлом труде, каким была его жизнь, и смерть должна ждать, ибо ей не под силу одолеть воина, пока танец его не будет завершён. И когда танец твой подойдёт к концу, ты посмотришь на солнце, посмотришь в последний раз, потому что больше ты не увидишь его никогда – ни наяву, ни в сновидении. А потом – потом смерть позовет тебя...

– И что, смерть действительно останавливается, чтобы посмотреть на танец воина?

– Воин – всего лишь человек. Простой человек. И ему не под силу вмешаться в предначертания смерти. Но его безупречный дух, который обрёл силу, пройдя сквозь невообразимые трудности, несомненно, способен на время остановить смерть. И этого времени достаточно для того, чтобы воин в последний раз наслаждался воспоминанием о своей силе. Можно сказать, что это – сговор, в который смерть вступает с тем, чей дух безупречен» (К-3).

«Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас заверил его, что дух прислушивается только тогда, когда тот, кто к нему обращается, говорит жестами. Эти жесты не означают знаки или телодвижения – это действия истинной непринуждённости, действия величественности, юмора. В качестве жестов духа маги проявляют всё лучшее в себе и молча предлагают это абстрактному» (К-8).

Отражение

«В этих мифах герой узнаётся, как живой, по своему запаху. На другой стороне, – говорится в таком мифе, – была его жена и много людей. Жена его уже умерла, но после некоторых поисков он её находит. Она пляшет с другими умершими особую пляску». (Корни.) Один из редких примеров, когда миф и знание совпадают, а так – приходится прямо-таки выцарапывать правильное знание из сказок, мифов и легенд.

«Эти представления и пляски не были зрелищами. Они были магическим способом воздействия на природу. Посвящённый обучался всем пляскам и песням весьма тщательно и долго. Малейшая ошибка могла оказаться роковой, могла испортить всю церемонию. Кстати, упомянем, что в белорусской сказке медведь отпускает падчерицу только после того, как она ему пляшет.

Герои русской сказки приносят от лесного учителя не пляски: они приносят магические способности. Но и пляски были выражением или способом применения этих способностей». (Корни.)

Что же стало с танцем в современном искусстве? Когда говорят о «магии» танца или любого другого произведения или объекта искусства – это всего лишь «магия» внешнего впечатления; этакий эмоциональный эрзац-экзальт.

Образ 8. Кроличий бой

«Закончив готовить место, он втянул меня в центр круга, поставил лицом на юг и спиной к холму и шепнул на ухо, чтобы я повторял его движения. Потом он принялся как бы пританцовывать, ударяя подошвой правой ступни по земле. Серии из семи ровных ударов перемежались короткими сериями из трёх быстрых постукиваний» (К-3).

«Во время столкновения с противником ты не должен произносить ни слова. А потом ты повернулся к ней спиной. И это было ещё хуже. Но вслед за этим ты побежал. И вот хуже этого ты уже ничего не мог придумать. Если бы на месте этой ведьмы оказался настоящий

магический воин, он уложил бы тебя на месте уже в тот момент, когда ты повернулся спиной. Единственная защита мага – не двигаться с места и исполнять свой танец.

Кроличий бой, которому он меня научил на днях, – первое движение танца воина. Того самого танца, который воин оттачивает и развивает всю свою жизнь, а потом исполняет во время своей последней остановки на этой Земле» (К-3).

Отражение

«Пляска сказкой утеряна: остался только лес, учитель и магическое умение. Но в сказках других типов можно найти некоторые следы и плясок». (*Корни.*) Что это есть «магические умения», мы уже давно поняли, но для чего они используются? Если для заработка, лечения, социальной карьеры, то такая магия – тупик. Не забывайте – магия нужна для того, чтобы достичь свободы. Подлинной свободы, а не того идиотского своеволия, которому жалкие людишки приписывают имя «свободы». Поэтому подлинным танцем может быть только *танец воина*. «Воина на пути Знания», а не какого-нибудь заурядного волшебника.

Образ 9. Пляска мага

«Сакатека молчал. Казалось, он внимательно слушает. Глаза его снова были полузакрыты, но я чувствовал, что он пристально на меня смотрит. Он едва заметно кивнул, затем веки его приподнялись, и я увидел глаза. Взгляд их был направлен куда-то вдаль. Как бы машинально он постукивал по земле носком правой ноги позади левой пятки, слегка согнув ноги в коленях и расслабленно опустив руки вдоль туловища. Он медленно поднял правую руку, повернув раскрытую ладонь к земле. Выпрямив пальцы, он вытянул руку в моём направлении. Она пару раз качнулась, а затем поднялась на уровень моего лица. На мгновение Сакатека застыл в этой позе, а затем что-то мне сказал. Слова он произносил очень чётко, но я ничего не понял. Через секунду Сакатека расслабленно уронил руку вдоль туловища и застыл в странной позе: вес тела он перенёс на носок левой ступни, а правую поставил за левой крест-накрест, мягко и ритмично постукивая её носком по земле.

Меня охватило какое-то странное чувство, своего рода беспокойство. Мысли начали как бы распадаться на части. В голову лезла какая-то бессмыслица, обрывки чего-то, никак не связанного с происходящим.

Совершенно автоматически я повернулся и ушёл.

Позднее я почувствовал, что непременно должен рассказать об этой истории дону Хуану. Он смеялся от души.

– Что это было? Что происходило на самом деле?

– Сакатека танцевал, – ответил дон Хуан. – Он увидел тебя и потом танцевал. Ты ему явно не понравился, и он остановил тебя, бросив в тебя слово» (К-2).

Отражение

«Руми и некоторые другие суфии даже использовали танец как средство тренировки учеников, поскольку он содействует концентрации ментальных способностей и устранению рассеянности». (*Читтик.*) Танец можно также использовать для того, чтобы воздействовать на других. Воздействовать магически, а не просто эстетически. Балет – это, конечно, красиво, но в вопросах жизни и смерти он абсолютно бесполезен, по крайней мере, для зрителей.

А вот пример более толкового воздействия танца на человека. Надеюсь, что теперь вы сможете танцевать с гораздо большей пользой для себя. «Не всегда инстинкт самоврачевания бывает направлен на лекарственные вещества. Например, у бесноватых часто является вдруг

потребность в быстром вращательном движении. Это движение при так называемой пляске дервишей является средством к возбуждению сомнамбулизма; если же обратить внимание на то, что его нередко предписывают себе и сомнамбулы, то станет ясно, что в основе его лежит потребность усилить сомнамбулизм, то есть углубить сон». (*Дюпрель.*) «Точка сборки, ничего, кроме точки сборки, и только одна точка сборки».

«В пользу инстинктивного происхождения врачебных предписаний сомнамбул говорит и одна их особенность, состоящая в том, что сомнамбулами инстинктивно предпринимаются такие поступки, которые, как оказывается, служат средством к углублению их сна. Если, например, дервиши прибегают к продолжительному вращательному движению с целью вызвать в себе сомнамбулическое состояние, то, конечно, такой образ действий со стороны сомнамбул только и может иметь целью углубление их сна. Шардель знал одну больную, которая погружала себя в сомнамбулический сон и делалась ясновидящей, вертясь до тех пор, пока у неё не начинала кружиться голова». (*Дюпрель.*)

Но будьте осторожны! Закружившись в вихре *танца*, вы можете быть унесены *ветром Вселенной*.

Образ 10. Ветер мифа

«– То есть ты хочешь сказать, что ветер – это лишь результат взаимодействия холодного и горячего воздуха? – спросил дон Хуан с заметным замешательством.

– Боюсь, что так, – ответил я, молча наслаждаясь своим триумфом.

Дон Хуан, казалось, был ошарашен. Но потом взглянул на меня и расхохотался.

– Все твои мнения – окончательны, – сказал он с ноткой сарказма в голосе. – Все они – последнее слово, верно? Но для охотника, однако, твоё мнение по поводу ветра – чистейший вздор. Нет никакой разницы, каким будет давление – единица, две или десять. Если бы ты жил среди дикой природы, ты бы знал: в сумерках ветер становится силой. Настоящий охотник знает это и действует соответственно» (К-3). «За воротами тоналя бушует ветер, я имею в виду реальный ветер. Ветер, который может унести твою жизнь. Это не метафора. Фактически это тот ветер, который несёт все живые существа на Земле» (К-4).

Отражение

Среди сказок суфиев есть сказка о путешествии ручья через пустыню. «Бежал, бежал ручей, и вдруг на его пути оказалась пустыня. Ему посоветовали перенестись через жаркие пески с помощью ветра. Останусь ли я таким же? Ты в любом случае не сможешь остаться таким же. У тебя нет выбора, это только кажется, что он есть. Ветер перенесёт лучшую твою часть – сущность. Когда ты снова станешь ручьём и побежишь по горам, люди могут называть тебя другим именем, но сам ты будешь знать, что ты остался тем же. Сейчас ты называешь себя какой-то речкой только потому, что ты и сам не знаешь, какая именно часть тела является твоей сущностью». В этом фрагменте чуть ли не каждое предложение перекликается с идеями, изложенными Кастанедой. Сколько же ещё таких «совпадений» можно найти!

И только ли давление, перепады температур и движение воздушных масс – всё, что составляет ветер?

«В древнеиндийской мифологии бог ветра Ваю – жизненное дыхание, и сам возник из дыхания Пуруши. В иудаистской мифологии дыхание Яхве обозначает непрерывное творение мира.

Во многих мифологиях дуновение наделяется магической функцией. (*Мифы.*) В другой раз, когда вы будете идти по открытому пространству, обратите внимание, что иногда

ветер как нарочно старается дуть так, чтобы вам было как можно труднее и неудобнее идти к вашей цели.

А как вам понравится отрывок из повести Леонида Андреева «Иуда Искариот»? Когда дует сильный ветер, он поднимает сор. И глупые люди смотрят на сор и говорят: вот ветер! Не сомневайтесь! *Ветер мифа* может унести вас в иные миры.

Осколок 3. Иные миры

Однако где находятся другие миры? Вверху или внизу, вправо или влево или где-то ещё. И что это за миры? Какие чудесные небеса ждут нас за смертным порогом? Посмотрим опять в наше волшебное зеркало мифологии.

«Представления о многоуровневом небе распространены в мифологиях всего мира. В скандинавской мифологии ветви мирового дерева образуют различные небеса, где живут боги. Халдейская астрология знает трёхсферное небо и семисферное небо, сохранившееся в мусульманской традиции. В ведийской мифологии наряду с «тремя сводами», или «тремя крышами», которые держат три бога, известны представления о семи мирах, или этажах мира. В джайнской мифологии эта конструкция доходит до 63 небес. В буддийской мифологии небеса представляют собой последовательные ступени возрастания божественного блаженства; по мере повышения «этажа» постепенно исчезают чувственные радости, уступая место духовным наслаждениям вплоть до растворения в нирване (аналогично этапам йогической аскезы). Таким образом, небо – своего рода путь странствия души, что является модификацией архаического мотива странствия на небо». (Мифы.)

Можно напомнить, что дон Хуан говорил Кастанеде, что никаких глубин нет, есть только другое положение точки сборки. Но продолжим сравнивать Знание и мифологию.

И не так уж просто попасть в *иные миры*; надо знать, где та заветная дверца и как её открыть.

Образ 1. Стена тумана

«Я уже входил в это состояние, которое дон Хуан называл «левосторонним», но очень ненадолго и всякий раз с его помощью. Одной из основных черт этого состояния, представлявшей наибольшее значение для нас, было то, что в левостороннем сознании мы могли воспринимать необозримую массу желтоватого тумана, которую дон Хуан называл «стеной тумана».

Всегда, когда я мог её воспринимать, она находилась справа от меня, распространяясь вперёд до горизонта и вверх до бесконечности, разделяя мир надвое.

Стена тумана поворачивалась одновременно с движением головы, поэтому я никогда не имел возможности повернуться к ней лицом» (К-6).

Отражение

Одной из причин того, что я сразу и безоговорочно принял написанное Кастанедой, стал случай, приключившийся со мной и связанный со стеной тумана.

Это случилось в начале моей службы в армии.

В первые дни, окунувшись в тяжесть солдатской жизни, я спал как убитый, без снов. Но однажды: «Я точно знаю, что сплю, – сказал я сам себе во сне. – Но почему ничего не вижу? То есть... вижу только что-то серое». Это серое тянулось во все стороны – и вправо, и влево, и вверх, и вниз. Семнадцать лет я не знал ответа на этот вопрос и не мог нигде найти его – что же это была за стена тумана. Кстати, она была прямо передо мной. И проснулся я, испугавшись того, что она начала меня втягивать в себя. И думаю, что если бы я ушёл в эту стену тумана тогда, то в нашем мире я умер бы в морге в результате вскрытия.

Но если бы я перед этим случаем знал, что можно сделать со стеной тумана, – кто знает, что бы я выбрал...

Образ 2. Повернуть стену

«Я вспомнил, что был однажды с доном Хуаном и ещё одним человеком, лица которого вспомнить не мог. Мы втроём беседовали о чём-то, что я воспринимал как одну из черт мира. Оно находилось в пяти-семи метрах справа от меня и выглядело как бесплотная стена жёлтого тумана, разделявшего, насколько я мог судить, весь мир надвое. Эта стена простиралась от земли до неба, уходя в бесконечность. Пока мы беседовали, половина мира, находившаяся справа от меня, была целиком закрыта этим туманом, левая же половина была видна как на ладони.

Я помню, как сориентировался по ландшафтным признакам и понял, что ось стены тумана идёт с востока на запад. Помню, как спросил дон Хуана, что случилось с миром к югу от этой линии. Дон Хуан заставил меня повернуться вправо, и я увидел, что стена тумана передвигается по мере того, как я поворачиваю голову. Мир был разделён на уровне, недоступном моему интеллекту. Разделение казалось реальным, но граница проходила не на физическом уровне. Она была как-то связана со мной самим.

Был ещё осколок этого воспоминания. Тот, другой человек сказал, что разделить мир надвое – очень большое достижение. Но ещё большее достижение, когда у воина достаточно невозмутимости и контроля для того, чтобы остановить вращение этой стены. Он сказал, что эта стена не находится внутри нас. Она определённо снаружи в мире, разделяя его на две части и вращаясь, когда мы поворачиваем голову, как если бы она была прикреплена к нашим вискам. Успешное удержание стены от поворота даёт воину возможность повернуться к ней лицом и силу проходить сквозь неё в любое время, когда он только пожелает» (К-6).

Отражение

«Стена, стена, стань к лесу задом, а ко мне передом». Тьфу ты чёрт, не стена же, а...

Так что же это там надо поворачивать, что нам говорит фольклор? «Лес как отдельный изолированный элемент ещё ничего не доказывает. Но что этот лес не совсем обычен, видно по его обитателям, по избушке, которую вдруг видит перед собой герой. Идя «куда глаза глядят» и невзначай подняв взор, он видит необычайное зрелище, – избушку на курьих ножках. Эта избушка как будто бы давно знакома Ивану: «Нам в тебя лезти, хлеба-соли ести». Он нисколько не удивлён ею и знает, как себя держать.

Повёртывается она, однако, не сама собой. Герой должен *заставить* её повернуться, а для этого нужно знать и произнести слово. Опять мы видим, что герой нисколько не удивлён.

Но отчего же не обойти избушки и не войти с той стороны? Очевидно, этого нельзя. Очевидно, избушка стоит на какой-то такой видимой или невидимой грани, через которую Иван никак не может перешагнуть. Попасть на эту грань можно только через избушку, и избушку нужно повернуть, «чтобы мне зайти и выйти». (*Корни.*) Здесь ещё можно отметить такой момент, что Иван идёт куда глаза глядят, но глядят-то они вниз, на землю, то есть он идет, глядя перед собой и расфокусировав зрение; то есть или медитируя, или пытаясь достигнуть смолкания ума, и вдруг – «невзначай подняв взор» – опа! он видит избушку на курьих ножках! Кстати, такой способ ходьбы – сосредоточенно глядя в землю перед собой, как средство сдвинуть точку сборки, – описан и у Кастанеды и у Ф. Доннер в книге «Жизнь в сновидении».

Больше всего шаманов сохранилось на азиатском Севере, среди народов, проживающих в тундре, может быть, потому, что «тундра – это страна волшебных превращений, край миражей. Солнце, ветер, туман сообща создают движущиеся волшебные картины, словно бы воздух между небом и землёй – не воздух вовсе, а туго натянутый экран». (*Платов.*)

Люди с определённой озабоченностью могут увидеть вход в иной мир в несколько экстравагантном виде.

Образ 3. Космическое влагалище

«Я вспомнил, что дон Хуан и его воины пересекли мост прежде нас. Донья Соледад и Элихио автоматически пошли с ними. Последней перешла женщина-нагваль.

Сильвио Мануэль и Элихио держали открытыми какие-то створки. У меня было достаточно энергии, чтобы сфокусировать на них своё внимание. Это не походило на углубление в холме, находящемся по ту сторону моста, не было это и отверстием в стене тумана, хотя я мог различить туманоподобные испарения вокруг створок. Это была тёмная таинственная расщелина, стоявшая сама по себе вне всего остального. Она была размером в человеческий рост, но узкой. Дон Хенаро пошутил, назвав её «космическим влагалищем». Эта реплика вызвала у его друзей гомерический хохот» (К-6).

«Она сказала, что я не должен позволять событиям той ночи на мосту смущать меня. Я не должен считать, как считал когда-то Нагваль Хуан Матус, что существует какой-то действительно физический проход в другое «я». Расщелина, которую я видел, была просто воплощением их намерения, обусловленного смесью одержимости Нагваля Хуана Матуса относительно проходов и странного чувства юмора Сильвио Мануэля. Эта смесь и создала «космическое влагалище». Насколько она знает, проход из одного «я» в другое не имеет физической материальности. «Космическое влагалище» было физическим выражением силы двух людей приводить в движение колесо времени.

Флоринда объяснила, что когда она и её друзья говорят о времени, они не имеют в виду что-то такое, что измеряется движением часовой стрелки. Время является сущностью внимания; эманации Орла состоят из времени, и, по существу, когдаходишь в любой аспект другого «я», то знакомишься со временем» (К-6).

Отражение

«Мандорла. Хотя геометрическим символом земли является прямоугольник (или куб), а символом неба – круг, для символизации высшего и низшего миров, то есть неба и земли, иногда употребляются два круга. Союз двух миров или область пересечения и взаимопроникновения (мир явлений) представляется мандорлой, миндалевидной фигурой, образованной двумя пересекающимися кругами». (*Кэрлот Х. Э.*). Надеюсь, что ты, читатель, хотя бы схематично представляешь, как выглядит влагалище; и тогда ты сможешь представить себе «космическое влагалище». А на русский язык слово «мандорла» очень конкретно переводится, особенно если в самую середину этого слова вставить букву «а». В результате вы легко получите «влагалище Орла».

«Обычно считается, что египетские пирамиды – это нечто уникальное и неповторимое. По крайней мере, ни в Европе, ни в Азии пирамид якобы нет и никогда не было. На самом деле это не так. Пирамиды хорошо известны в Евразии и, в частности, на Руси. Это – КУРГАНЫ. Если сравнить пирамиду с курганом, то легко понять, что это – одно и то же сооружение. Причём, очевидно, не пирамиды предшествовали курганам, а, наоборот, курганы предшествуют пирамидам.

Курганы использовались также как общественные здания. Например, как церкви. Скажем, огромный, так называемый «царский курган» недалеко от города Керчь в Крыму в Средние века был христианской церковью». (*Реконструкция.*) Добавлю, что иллюстрация в этой книге ясно показывает, что вход в этот курган выглядит как раз как «космическое влагалище». Можете сами проверить, как выглядят оба эти объекта.

«Предполагалось, что мальчик во время обряда умирал и затем вновь воскресал уже новым человеком. Это так называемая временная смерть. Смерть и воскресение вызывались действиями, изображавшими поглощение, пожирание мальчика чудовищным животным. Он как бы проглатывался этим животным и, пробыв некоторое время в желудке чудовища, возвращался, то есть выхаркивался или извергался». (Корни.) «Проглатывался» – а мы-то прекрасно знаем, что она, да-да, та самая, бывает и с зубами. Например, есть такая шутка: Что такое секс? Это когда нужно вставить штырёк А в отверстие Б и вынуть по возможности неповреждённым.

«В культе Кват на острове Банка на уединённом месте делается своего рода загон посредством забора из тростника, два конца которого нависают и образуют вход. Это называется пастью акулы. На острове Серам говорят, что неофит поглощается пастью». (Корни.) Ну, теперь-то мы знаем – чем поглощается!

Но есть входы в иной мир, которые выглядят более цивилизованно и прилично.

Образ 4. Туннель

«В этот момент я ощутил сильные судороги, и через пару секунд вокруг меня образовался очень низкий и узкий туннель, твёрдый и удивительно холодный. На ощупь он был как из толстой фольги. Я обнаружил, что сижу на полу туннеля. Я попытался встать, но ушибся головой о железный потолок, а туннель стал сжиматься, пока не начал душить меня. Я помню, что пополз к круглому отверстию, где кончался туннель; когда я добрался до выхода (если вообще добрался), то уже всё забыл – собаку, дона Хуана, себя самого. Я задыхался от усталости; одежда вся была пропитана холодной липкой жидкостью. Я катался взад-вперёд, пытаюсь найти положение, в котором можно отдохнуть, в котором хоть не так страшно будет колотиться сердце. При одном из этих движений я вновь увидел собаку» (К-1).

Отражение

«Когда барабан начал бить, я мысленно вспомнил знакомые места, которые могли бы стать тем входом, который я искал. Затем я вспомнил высокую пещеру у озера в Неваде, таинственную и великолепную; но путешествие через неё было бы слишком долгим. Наконец я припомнил ещё одну пещеру из моего детства, которую посещали туристы.

Во всяком случае, это была настоящая пещера, полная сталактитов. Я вошёл в темноте в её узкое пространство и обнаружил, что это не пещера моего детства – с драконами и прочими сказочными животными, а совершенно иная, новая пещера. Концентрические кольца света и темноты открылись вокруг меня; казалось, они понесли меня вдоль стен пещеры. У меня возникло ощущение, что не столько я двигаюсь вдоль туннеля, сколько он – вдоль меня. Сначала кольца были круглыми, затем их форма изменилась, и они превратились в вертикальные эллипсы, по-прежнему концентрические и движущиеся. Меняющиеся узоры тьмы и света слабо напоминали проблески между краями волнистой трубы». (Харнер.) Ещё немного – и вертикальные эллипсы превратились бы в Мандорлу, как можно предположить.

Стал метро рыть отец Витькин с Генкой,
Мы спросили: «Зачем?» Он в ответ:
«Коридоры кончаются стенкой,
А тоннели выводят на свет!»

Высоцкий В. С.

Но все подобные входы в параллельный мир – цветочки! И ваше счастье, если ваша судьба направит вас в один из подобных входов. А вот если вы нарвётесь на *чёрта*?

Образ 5. Мистический пограничник

«– Я набью трубку всего один раз. Ты выкуришь её и будешь отдыхать. Затем придёт страж другого мира. Тебе нужно будет только наблюдать за ним. Внимательно наблюдай за всеми его движениями, запоминай каждое его действие. От того, насколько ты будешь внимателен, может зависеть твоя жизнь.

– Кто такой этот страж?

– Сам увидишь. Он охраняет вход в другой мир.

– Какой мир? Мир мёртвых?

– Нет. Не мир мёртвых и не мир кого-либо ещё. Просто другой мир. Об этом не имеет смысла говорить. Ты сам всё увидишь.

Он наклонился ко мне и велел не смотреть на него, а выбрать точку на циновке прямо перед глазами и хорошенько на ней сосредоточиться. Он сказал, что смотреть нужно одним глазом – левым, – и тогда я рано или поздно увижу стража.

Я сосредоточился на указанной им точке, но там ничего не было. Однако в какое-то мгновение я заметил мошку, которая кружилась перед глазами. Она села на циновку. Я следил за ней. Мошка подползла настолько близко, что в глазах всё поплыло. Затем, совершенно неожиданно, я почувствовал, что стою на ногах. Ощущение было странное, оно сбило меня с толку, но времени на объяснения не было. Казалось, что я стою и смотрю перед собой, и глаза находятся на обычной высоте, но то, что я увидел, потрясло меня до глубины души. Передать другими словами силу эмоциональной встряски, пережитую в тот момент, пожалуй, невозможно. Прямо передо мной, совсем близко, сидело гигантское животное чудовищного вида. Это был настоящий живой совершенно жуткий монстр. Никогда, даже в самых диких вымыслах наиболее изощрённой фантастики, я не встречал ничего подобного. Я смотрел на это чудовище с неопишваемым замешательством и недоумением.

Первое, что бросилось мне в глаза, были его размеры. Ростом эта штука должна была быть никак не меньше тридцати метров. По крайней мере, так мне показалось. Стояло оно вроде бы прямо, но точно сказать, как именно, я не могу. Потом я заметил крылья – два коротких широких крыла. В этот миг я осознал, что пытаюсь изучать его как обыкновенное животное, то есть смотреть на него. Однако делать это привычным для меня способом было невозможно, я не столько смотрел на животное, сколько замечал всё новые детали по мере того, как картинка прояснялась с добавлением каждой новой подробности. Тело существа было покрыто пучками чёрных волос, с его длинного рыла всё время что-то сочилось и капало. Круглые выпуклые глаза были похожи на два огромных белесых шара. Потом животное начало размахивать крыльями. Но это не походило на взмахи птичьих крыльев, скорее напоминало вибрирующую дрожь. Существо начало кружиться передо мной. Однако оно не летало в полном смысле слова, а как бы скользило, почти касаясь земли, двигаясь с поразительной скоростью и проворством. Я даже обнаружил, что увлёкся созерцанием этой картины. Все движения чудовища имели совершенно жуткий вид, но их быстрота и лёгкость не могли не восхищать.

Но что это было? – Страж, хранитель, часовой другого мира» (К-2).

Отражение

«В немецкой сказке нужно закурить трубку, чтобы вызвать духа. Это объясняет нам и лампу Аладдина, и может быть, и то, что и волшебное колечко иногда нужно потерять,

чтобы явился дух-помощник». (*Корни.*) Можно закурить трубку, если есть нужная; можно потереть лампу, если есть подходящая. Может, можно и роль золота в жизни человечества объяснить с магических позиций.

«Сновидящий должен носить золотое кольцо, – сказал мне эмиссар в другой раз. – Лучше, чтобы оно было чуточку тесным для пальца.

Объяснение эмиссара в связи с этим сводилось к тому, что кольцо служит в качестве моста для возвращения обратно на поверхность обычного мира из сновидения или погружения из состояния нормального сознания в мир неорганических существ» (К-9).

«Никто не обнимет необъятного». Но Кастанеде это удалось! По крайней мере, он рассказал достаточно, чтобы каждый человек смог достичь своей целостности. А данная книга, смею надеяться, – мост, соединяющий, связующий Расколотое Знание человечества.

Образ 6. Тайна стража

«– Знаешь, – неожиданно произнёс он, глядя куда-то на крышу рамады, – стража может увидеть любой. Некоторым он является в виде гигантского неопишимо жуткого монстра ростом до неба. Тебе повезло – всего-то тридцать метров! Совсем крошка. Однако тайна стража до смешного проста.

Он минуту помолчал, мурлыкая какую-то мексиканскую песню.

– Страж другого мира – это мошка, – с расстановкой произнёс он, как бы оценивая эффект, произведённый этим заявлением.

– Прости, не понял...

– Страж другого мира – мошка, – повторил он. – Вчера ты встретился с мошкой. Она будет стоять на твоём пути до тех пор, пока ты её не победишь» (К-2).

Отражение

Сразу должен сказать, что я обратил внимание на сходство слов «чёрт» и «черта» (в значении – граница). Но в словарях по мифологии информация о чёрте недостаточно полна и несколько противоречива. О чёрте говорят примерно так: «Образ чёрта дохристианского происхождения. В фольклоре и народных картинках чёрт – антропоморфное существо, покрытое чёрной шерстью, с рогами, хвостами и копытами. Собственно черти отличаются от прочей нечисти и местами своего обитания (преисподняя, где они мучают грешников, болото, перекрёстки и развилки дорог), и свободой передвижения (повсюду, вплоть до церкви ночью), и способностью к оборотничеству (превращаются в чёрную кошку, собаку, свинью, змея, чаще – в человека, странника, младенца, кузнеца, знакомого – соседа, мужа и т. п.)».

Однако я убеждён, что «чёрт» и «черта» – это однокоренные слова. И, таким образом, не означает ли, что чёрт – это тот, кто стоит на черте, оберегает границу. То есть Чёрт – это всего лишь страж другого мира, а не посланник дьявола или сатаны, которых, кстати говоря, и нет вовсе. То есть и дьявол, и сатана существуют, но это не то, что о них привыкли думать. Просто они – это одни из многих сущностей из других миров, из миров, находящихся в других положениях точки сборки. Языческая же память народа сохранила для нас знания в такой форме, которая требует столь значительной переработки и переосмысления, что лучше будет принять Знание, изложенное Кастанедой, и не тратить время и силы на, в сущности, бесполезную работу; пусть этим занимаются учёные.

Вот ещё образец «осмысления» явлений другого мира. «Чур. Почитался богом межей. Он не имел храмов; но был божество умственное. Сие слово у колдунов таинственное, коим они призванного чёрта опять прогоняют».

«Прогоняют» или стараются «увидеть». Или, как говорили в «раньше» время: «Очерти круг, да чурайся!», то есть ори благим матом – «чур меня, чур!», то есть «спаси меня, союзник, спаси!»

Но – наконец-то допустим всё-таки – вы всё же прошли стража. В какой из многих миров нагвала вы можете попасть?

Образ 7. Красный мир

«Он вылил то, что было в миске, в старую глиняную чашку, похожую на цветочный горшок. Питьё было очень горячим, поэтому он сперва на него подул и попробовал на вкус, а затем протянул мне:

– Теперь пей.

Я механически взял чашку и залпом выпил. На вкус питьё слегка отдавало горечью. Примечательным был запах: пахло тараканами.

Почти сразу я начал потеть. По телу разлился жар, кровь прилила к ушам. Перед глазами появилось красное пятно, и мышцы живота стали судорожно сокращаться. Немного погодя, хотя я уже совсем не чувствовал боли, стало холодно, и я буквально обливался потом. Дон Хуан спросил, нет ли у меня перед глазами черноты или чёрных точек. Я ответил, что вижу всё красным.

Я стучал зубами от приступов накатывающей волнами неконтролируемой нервной дрожи, исходящей откуда-то из центра груди.

Потом он спросил, не страшно ли мне. Его вопросы показались мне бессмысленными. Я сказал, что, конечно, страшно. Но он опять спросил, боюсь ли я «травы дьявола». Я не понял, о чём он говорит, и ответил «да». Он засмеялся и сказал, что ничего я не боюсь. Он спросил, по-прежнему ли я вижу красное. Я только и видел, что стоявшее перед глазами громадное красное пятно.

Немного погодя мне стало лучше. Нервные судороги постепенно прошли, оставив лишь чувство приятной разбитости и невероятной сонливости. Глаза слипались, хотя изда- лека всё ещё доносился голос дон Хуана. Я заснул, но всю ночь чувствовал себя погружён- ным в глубокий красный цвет. Даже сны были красные» (К-1).

Отражение

Но необязательно пить «траву дьявола» или какое-то другое зелье, иногда бывает достаточно занятий цигуном. (Нижеследующий фрагмент вроде бы находится не на своём месте, раз в нём говорится о «чёрном мире», но следующая за ним цитата из Кастанеды подтверждает её уместность, так как цвета ада – чёрный и красный.)

«Когда Оуян Хуэй и Тянь Мин-мин подошли к храму, Цюй Сяолун занимался уже со второй группой. Они встали в последний ряд, закрыли глаза. Оуян Хуэй сразу ощутил, насколько сильным было поле ци: в теле появилось покалывание. Скоро он уже не чувство- вал тела. Он не знал, сколько времени прошло, но вот песня стихла. Откуда-то издалека донёсся голос мастера: «Занятия окончены». Оуян Хуэй открыл глаза. Многие стоявшие впе- реди него вдруг стали поднимать головы и смотреть на солнце. Он и сам неожиданно под- нял лицо к солнцу. Почему он это сделал, он не знал, а только ощутил желание смотреть на солнце и был уверен, что сможет выдержать его ослепительный блеск.

Удивительная, фантастическая картина открылась его взору! Ослепительное белое солнце, в которое он пристально вглядывался, вдруг стало чёрным, как во время полного затмения. Приглядевшись, Оуян Хуэй понял, что это чёрное солнце вовсе не похоже на то,

каким оно бывает при затмении. Скорее так бывает, когда смотришь на него через солнечные очки.

Оуян Хуэй долго не отрывал взгляда от солнца, когда же минут через двадцать он наконец отвёл глаза и посмотрел вокруг, то взору его представилась страшная картина, как во время Судного дня человечества: мир был чёрным, будто выжженным гигантским пламенем». (*Кэ Юньлу // Цигун и спорт. Новый век, 1993, № 4.*) (Однако откуда у китайца представление о европейском Судном дне?)

А если у вас под рукой есть хороший сильный учитель, то достаточно просто пройтись рядом с ним, чтобы попасть в другой мир. «Взгляд мой следовал за каждым движением Хенаро. Появилось такое ощущение, будто я иду вместе с ним. Я даже запыхался. Потом я осознал, что уже вовсе не сижу на прежнем месте, а действительно иду вслед за Хенаро.

Хенаро всё тем же странным образом шёл впереди меня. Мы шли уже много часов подряд. От усталости у меня разболелась голова, и неожиданно меня стошнило. Хенаро остановился, потом подошёл ко мне и встал рядом. Всё вокруг нас было залито ярким сиянием, свет которого отражался в чертах лица Хенаро. Глаза его светились. Вдруг в ушах моих зазвучал голос:

– Не смотри на Хенаро! Взгляни вокруг!

Я подчинился. Я подумал, что попал в ад! Шок от того, что я увидел, был настолько силён, что я вскричал, ужаснувшись. Но не издал при этом ни звука. То, что я видел вокруг, как нельзя лучше соответствовало картине ада, запечатлённой в моём сознании католическим воспитанием. Я видел красноватый мир, жаркий и гнетущий, тёмный, испещрённый пустотами, в мире этом не было неба и отсутствовал какой бы то ни было свет, кроме зловещих отражений красноватых огней, метавшихся вокруг с немыслимой быстротой» (К-7).

Образ 8. Белый мир

«Потом он приказал мне выключить внутренний диалог и погрузиться в безмолвие. Потом он встал и пошёл прочь с площади, знаком велел мне следовать за ним. Мы пошли в пустынную боковую улочку. Я узнал её – это была та самая улица, на которой Хенаро демонстрировал мне настройку. Едва я это вспомнил, как тут же обнаружил, что шагаю рядом с доном Хуаном по пустынной равнине с жёлтыми дюнами из чего-то похожего на серу. Место это к тому времени уже было мне хорошо знакомо.

Я вспомнил, что дон Хуан заставлял меня воспринимать этот мир много-много раз. И ещё я вспомнил, что за пустынными дюнами есть ещё один мир, сияющий дивным, ровным, чистым, белым светом.

Когда в этот раз мы с доном Хуаном вошли в белый мир, я ощутил, что свет, исходивший отовсюду, не прибавляет сил, но успокаивает настолько, что производит впечатление священного.

Священный свет омывал меня, и тут вполне рациональная мысль пришла мне в голову. Я подумал, что мистики и святые, должно быть, совершали это путешествие точки сборки. В человеческой матрице они видели Бога, в серных дюнах – ад, а в дивном прозрачно-белом свете они видели райское сияние небес.

Рациональная мысль немедленно сгорела под натиском того, что я воспринимал. Моё осознание было привлечено огромным количеством фигур мужчин, женщин, детей всех возрастов и других непостижимых образов. Всё это ослепительно сияло лучистой белизной.

Я увидел дона Хуана. Он шагал рядом. Он смотрел не на явившиеся образы, а на меня. В следующее мгновение я увидел его иначе – теперь это был шар светимости, качавшийся вверх-вниз в фуге от меня. Неожиданно шар резко приблизился, и я увидел то, что было внутри.

Я ощутил, что мы все втроём вдруг встали и пошли с площади, причем они шли по обе стороны от меня.

Продолжая идти, я обнаружил, что утратил периферийное зрение. Я не различал ни домов, ни улиц. Я не видел также ни гор, ни растительности. В какой-то момент я осознал, что потерял из виду дона Хуана и Хенаро. Вместо них рядом со мной покачивались два светящихся пучка чего-то.

Я видел всем своим существом: всё то, что в нормальном состоянии осознания я назвал бы своим телом, было способно воспринимать. Оно словно превратилось в один гигантский глаз, который видел всё. Первое, что я обнаружил сразу же после того, как увидел два сгустка света, был острый фиолетово-пурпурный мир, составленный чем-то похожим на цветные панели и навесы. Плоские, экраноподобные панели неправильных концентрических окружностей заполняли всё вокруг.

Я ощутил огромное давление, сжимавшее меня со всех сторон, я затем услышал голос. Я видел, голос объяснил, что давление обусловлено тем, что я двигаюсь. Я двигался вместе с доном Хуаном и Хенаро. Я ощутил слабый толчок, словно прорвался бумажный барьер. Я оказался в светящемся мире. Свет исходил отовсюду, но не слепил. Это было похоже на то, как светит солнце, готовое вот-вот пробиться сквозь толщу полупрозрачных облаков. Я смотрел вниз на источник света. Было очень красиво. Земли не было – только белые пушистые облака и свет. И мы шли по этим облакам» (К-7).

Отражение

Ради чего всё-таки монахи-отшельники занимаются аскезой и самоистязаниями? Ведь, как нам открыл Кастанеда, и голод, и усталость, и боль, и страх могут сдвигать точку сборки. Чем же всё-таки занимаются отшельники? Святым делом или точкой сборки?

«Дон Хуан выразил своё убеждение в том, что христианские идеи об изгнании из райского сада представляются ему аллегорией утраты нашего безмолвного знания, нашего знания намерения. Следовательно, магия – это возвращение к началу, возвращение в рай» (К-8).

В данном случае будет уместно напомнить о том, что видят люди, находящиеся в состоянии комы.

«После описания последней агонии своей физической смерти и ужасной тяжести, прижимающей его к земле, автор рассказывает, что вдруг почувствовал, что стало легко.

Я увидел, что стою один посреди комнаты; справа от меня столпился весь медицинский персонал.

Я подвинулся и глянул, куда глядели все они: там на койке лежал я.

Я захотел осязать себя, взять правой рукой левую: моя рука прошла насквозь; попробовал охватить себя за талию – рука вновь прошла через корпус, как по пустому пространству.

Вспоминая и продумывая впоследствии своё тогдашнее состояние, я заметил только, что мои умственные способности действовали и тогда с удивительной энергией и быстротой.

Многие умирающие индусы видят богов своего индуистского пантеона, а не близких родственников и друзей, что обычно в Америке.

Д-ра Осис и Харалдсон считают, что отождествление существ, с которыми происходит встреча, во многом является результатом субъективной интерпретации, основанной на религиозных, культурных и личных предпосылках.

Почти всегда это существо начинает общаться с только что умершим (больше посредством передачи мыслей, чем словами). Оно всегда «говорит» ему одно и то же, что понимается теми, кто это пережил, как: «Готов ли ты умереть?» или «Что ты сделал в своей жизни такого, что мог бы показать мне?». Иногда в связи с этим существом умирающий видит что-то вроде «обратного кадра» о событиях своей жизни.

Несомненно, что небо – это место, и оно выше любой точки на Земле, а ад находится внизу, во внутренности Земли; но люди не могут видеть эти места и их обитателей, пока не откроются их духовные очи, кроме того, эти места находятся вне координат нашей пространственно-временной системы. Они в пространстве другого рода, начинающемся непосредственно здесь, но простирающемся в другом направлении». (*Серафим.*)

В данном фрагменте интересны слова про «обратный кадр» – несомненно, что существо это имеет в виду «перепросмотр», то есть оно спрашивает: «А сделал ли ты перепросмотр своей жизни, чтобы не расставаться с нею сегодня?»

«Невролог У. Пенфилд (США), известный и как беллетрист, считал, что человеческая память хранит всё, происшедшее с нами, до мелочей. «Утечки» нет, хотя хранить библиотеку проще, чем в ней ориентироваться. Попробуйте, следуя совету героя новеллы К. Чапека, быстро найти в толстом томе все строки, где есть слово «хотя». О библиотеке в целом я уж умолчу». (*Химия и Жизнь.*) Касаясь в данном случае памяти, можно использовать довольно-таки занятный способ её тренировки, который гораздо проще, чем все имеющиеся на данный момент прямо-таки садистские методики работы с собственной памятью. Это – опять же – *перепросмотр*.

Образ 9. Чёрный мир

«Я обнаружил, что нахожусь в чёрном мире. Он не был тёмным как ночь, скорее просто всё, что меня окружало, было чёрным, как смоль. Я взглянул на небо, но нигде не было видно света. Небо тоже было чёрным и буквально сплошь усеянным линиями и неправильными кольцами черноты разной плотности. Оно было похоже на чёрную древесину с рельефно выделенной фактурой.

Я посмотрел вниз, на землю. Она была пушистой. Казалось, она образована хлопьями агар-агара. Они не были матовыми, но они и не блестели. Это было нечто среднее. Такого я никогда в жизни не видел: чёрный агар-агар.

Затем я услышал голос видения. Он сказал, что моя точка сборки собрала целостный мир в другой большой полосе – чёрный мир.

Это – мир, который собирается проще всего.

Одним из странных свойств чёрного мира является отсутствие в нём эманаций, отвечающих за время в нашем мире. Вместо них там имеются другие эманации, дающие другой результат. Попав в чёрный мир, видящий может чувствовать, что прошла вечность, но в нашем мире за это время проходит лишь мгновение.

Чёрный мир – ужасен, потому что тело в нём стареет.

Сильвио Мануэль собрал другой мир в одной из других больших полос. В том мире тоже не было времени, но он действовал на видящего совершенно противоположным образом. Сильвио Мануэль отсутствовал целых семь лет, хотя ему показалось, что он провёл в том мире всего мгновение» (К-7).

Отражение

Я знаю ещё один чёрный мир, который старит, – чёрная зависть. Но в этой книге мы говорим о другом, о параллелях между книгами Кастанеды и мировым фольклором и мифологией. Кстати, я должен извиниться, но я не смог ничего достать по австралийской мифологии, а ведь там есть такое понятие, как «Эпоха Сновидений»!

«В вятской сказке пребывание у лешего длится 12 лет, пролетающих как 12 дней, «обычный» в сказке мотив быстротечности времени в стране смерти, где год проходит для

сознания человека как один день»». (*Корни.*) Можно вспомнить и Одиссея, когда он *завис* на острове Цирцеи на много месяцев, показавшихся ему несколькими днями.

«Они что, действительно погружались телесно?»

Человек способен на удивительнейшие действия. Особенно тот, который умеет управлять осознанием. И хотя древние видящие и избрали неверный путь, в своих путешествиях в глубины они встречали дивные чудеса. Такая вещь, как встреча с союзником, была для них делом совершенно обычным.

Конечно, теперь ты уже понимаешь, что глубины – выражение фигуральное. Никаких глубин в действительности не существует. Есть только управление осознанием. Однако этого древние видящие так и не поняли» (К-7). Теперь мы можем сказать, что это не страна смерти, а обыкновенный чёрный мир, который собирается точкой сборки легче всего. И нет никаких шестидесяти трёх небес, хотя, кто будет спорить, это можно назвать и глубинами. Не надо только путать Луну и её отражение.

Итак, какие магические способы проникновения в иные миры может предложить Знание, обнаруженное К. Кастанедой?

Образ 10. Мост

«– Мы пересекли этот мост, и Сильвио Мануэль ждал нас на той стороне, – сказала Роза еле слышно. – Я шла последней. Когда он пожирал остальных, я слышала их вопли. Я хотела убежать, но этот дьявол, Сильвио Мануэль, был с обеих сторон моста. Спаситься было невозможно» (К-6).

– Это же так просто! – вырвалось у ла Горды, как будто её внезапно осенило. – Мы пересекали, или, вернее, Сильвио Мануэль заставлял нас пересекать параллельные линии. Этот мост – место силы. Дыра в этом мире. Вход в иной мир. Мы прошли в эту дверь».

Отражение

Знать, недаром русский народ говорит, что под мостом черти водятся. Наверняка это память о том, как волшебников-недоучек нагвали бросали через параллельные линии миров.

«Здесь необходимо рассмотреть мотив тонкого моста как таковой и его применение в данном случае. Происхождение этого мотива не представляет собой никакой загадки. Огромное количество материалов показывает, что этот мотив идёт от представления, что царство мёртвых отделено от царства живых тонким, иногда волосатым, мостом, через который переходят умершие или души умерших». (*Корни.*) «Тут я рассказал ей, как однажды, когда я был вместе с доном Хуаном, я видел мост, образованный из полосы тумана. Для меня он был более чем реален. Картина была настолько интенсивной и живой, что я не мог забыть её. Дон Хуан предсказал, что когда-нибудь я должен буду перейти этот мост» (К-5).

А сейчас опять недосказанность мифа. «Мост мыслится обычно как некая импровизация ещё неизвестного, не гарантированного пути. Мост строится как бы на глазах путника, в самый актуальный момент путешествия и на самом опасном месте, где путь прерван, где угроза со стороны злых сил наиболее очевидна, подобно перекрёстку, развилке дорог.

Значение термина «Великий Понтифик в Риме» некоторые исследователи объясняют как «делатель мостов».

Чинват – в иранской мифологии мост через водную преграду, разделяющую царства живых и мёртвых. В зороастризме распорядителем судеб на мосту Чинват становится Заратустра, провожающий по нему души праведных». (*Мифы.*) Можно предположить, что и Заратустра – нагваль. И он поджидает своих учеников на другой стороне *моста*, возможно, что и до сих пор.

«Я хотел было спросить, что именно я должен видеть, но дон Хуан бросил на меня выразительный взгляд, как бы напоминая о том, что мне нельзя разговаривать.

Я снова принялся смотреть на туман, но теперь уже прямо. Клок тумана спустился откуда-то сверху и завис, похожий на кусок чего-то плотного и твёрдого. Он находился как раз в том месте, где я видел зелёное пятно. Через некоторое время глаза у меня устали, и я прищурился. Сначала я увидел клок тумана, наложенный на туманную полосу, а потом – узкую полосу тумана, похожую на мост, который тянулся откуда-то сверху, как бы соединяя склон горы позади надо мной с туманом, висевшим впереди. На мгновение я даже вроде бы увидел, как по этому мосту, не изменяя его очертаний, тянется прозрачный туман, который течёт сверху с горы. Казалось, что мост действительно образован чем-то твёрдым. В какой-то момент мираж сделался настолько полным, что приобрёл объёмность, прорисованную тёмными тенями под мостом и его светлой боковой поверхностью цвета песчаника.

Совершенно ошарашенный, я смотрел на этот мост. А потом то ли я поднялся до его уровня, то ли он опустился до моего, но внезапно я обнаружил, что смотрю на прямую дорожку, начинающуюся прямо у моих ног. Это была невообразимо длинная твёрдая дорога, узкая и без перил, но достаточно широкая для того, чтобы по ней можно было идти...» (К-3).

Может быть, здесь это несколько и неожиданно, но попытаемся разобраться в значении слова «мистика». Так ли уж страшен чёрт? Словарь Ожегова утверждает: «Мистика – 1. Вера в божественное, в таинственный, сверхъестественный мир и в возможность непосредственного общения с ним. 2. Нечто загадочное, необъяснимое». То же самое утверждают все общедоступные словари, то есть, что мистика – нечто запретное, плохое. Но, как говорил Продик, прежде всего необходимо договориться о понятиях. Если вы проявите упорство, настойчивость и находчивость, то вы узнаете, что *мистика* – это нечто другое. Нет, она связана и с тайной, и с загадкой, но ничего грязного в ней нет. Вы даже можете узнать, что есть забытое слово «мистес». И, может быть, вас, как и меня, удивит, когда вы узнаете, что *Мистес* — это «видящий сквозь туман»! И, может быть у вас, как и у меня, что-то щёлкнет в голове, и всё встанет на свои места. В любом случае – продолжим узнавать новое.

Какие, однако, весёленькие мосты существуют во Вселенной. И если по такому мосту мог уйти один человек или группа магов, то почему бы таким образом не уйти населению какого-либо города?

Образ 11. Исчезнувшие города

«Мастерство их в искусстве видения стало необыкновенным, доходило даже до того, что они были способны управлять всем, что было в тех странных мирах, которые они созерцали. Но это не имело никакой практической ценности. Видение подорвало силу этих людей и сделало их одержимыми увиденным.

– Однако среди видящих были и такие, которым удалось избежать этой участи, – продолжал дон Хуан. – Это были великие люди. Несмотря на своё видение, они оставались людьми знания. Некоторые из них находили способы положительного использования видения и учили этому других людей. Я убеждён, что под их руководством жители целых городов уходили в другие миры, чтобы никогда сюда не вернуться» (К-7).

Отражение

Куда, например, делись град Китеж, население некоторых древних городов аборигенной Америки? Куда исчезло население города Аркаим, в котором проповедовал Заратустра; ушло по магическому мосту? А может, и Атлантида исчезла там же, в другом положении точки сборки?

Образ 12. Мир диаблеро

«Особая часть учения – как добраться до трещины между мирами и как войти в другой мир. Существует трещина между двумя мирами: миром диаблеро и миром живых. Есть место, где оба мира пересекаются. Вот там трещина. Она открывается и закрывается, как дверь на ветру. Чтобы туда попасть, человек должен развить и испытать свою волю, то есть это должно стать его неодолимой и всепоглощающей страстью. Но делать это он должен без чьей-либо помощи – силы или человека. Человек должен самостоятельно всё взвешивать и стремиться к тому мгновению, когда его тело будет готово испытать путешествие. Этот момент даёт знать о себе непрерывным содроганием всего тела и сильной рвотой. Обычно человек не может ни спать, ни есть и вконец ослабевает. Если судороги не прекращаются, человек готов к путешествию, и прямо перед его глазами открывается трещина между мирами, подобная громадной двери, трещина сверху донизу. Когда трещина открывается, нужно сквозь неё проникнуть. На другой стороне границы трудно видеть. Ветер такой, как в песчаную бурю. Кругом носятся смерчи. Попав туда, человек должен идти в любом направлении. Коротким или длинным будет путешествие – зависит только от его силы воли. У того, у кого сильная воля, путешествие короткое; у человека слабого и нерешительного – долгое и опасное. Кончается путешествие у свое-образного плато. Его легко узнать по некоторым признакам. Это плоская возвышенность. Один из признаков – это ветер, который здесь особенно яростный, удары ветра сбивают с ног, и всё тонет в его рёве. Наверху этого плато есть вход в другой мир, и там протянута шкура, разделяющая миры; мёртвые проходят сквозь неё без звука, а мы должны разорвать её криком. Тот дикий ветер, который дует на плато, время от времени крепчает, и когда он наберёт достаточно силы, человек должен издать крик, и ветер протолкнёт его сквозь шкуру. Справиться с этим ветром можно, только обладая той же несгибаемой волей – только ей подчинится ветер. Всё, что нужно, – это небольшой толчок, а не чтобы пронесло на самый край того света. Оказавшись на той стороне, нужно побродить вокруг. Большая удача – найти помощника сразу же, не слишком далеко от входа. Его нужно попросить о помощи. Человек должен своими собственными словами попросить помощника научить его и сделать из него диаблеро. Если помощник согласится, он убивает человека на месте и, когда тот мёртв, учит его. Когда ты сам проделаешь такое путешествие, то, если повезёт, можешь найти себе в помощники великого диаблеро, который убьёт тебя и обучит. Но, как правило, всё же попадаются более мелкие брухо, которые могут обучить очень немногому. Однако ни у тебя, ни у них нет силы отказаться. Лучше всего найти в помощники мужскую особь, а то как бы не стать жертвой диаблеры, которая заставит тебя невероятно страдать. Женщины всегда таковы. Но тут уж как повезёт, разве что у человека сам бенефактор – великий диаблеро, у которого в другом мире много помощников. Тогда он так направит ученика, что тот встретится с тем помощником, который требуется.

После возвращения ты уже будешь другим. Ты будешь обречён то и дело отправляться туда на встречу с помощником и будешь забредать всё дальше от входа, пока наконец когда-нибудь не зайдёшь слишком далеко и не сможешь вернуться» (К-1).

Отражение

«Якутский шаман Герасимов рассказал этнографу А.А. Попову, как он стал шаманом. Он вдруг (ища потерянных оленей) увидел на небе трёх воронов, почувствовал удар в спину и потерял сознание. К нему явились «духи» и стали его истязать. Его били верёвками и ремнями, в тело его впивались гады. Его обмакивали в кровавые густки, он захлёбывался в крови, должен был сосать грудь ужасной старухи, ему выкололи глаза, просверлили уши,

тело его разрезывали на куски и укладывали в железную люльку и т. д. По записям многих исследователей и наблюдателей, будущий шаман у якутов «испытывает все мучения отрезания головы, разрезания и варки тела». Телеутка шаманка Койон начала шаманить после видения. «Несколько человек разрезали её тело на куски по суставам и положили варить в котёл. Потом пришло ещё двое людей. Опять резали её мясо, потрошили, варили». Такова типичная картина видений шамана до его вступления в исполнение шаманских функций. Спрашивается, почему все шаманы галлюцинируют одинаково, почему образы этих видений иногда до мелочей, с одной стороны, совпадают с тем, что в Америке, Африке, Полинезии, Австралии совершается в качестве обряда, с другой стороны, с тем материалом, который даёт нам сказка?» (*Корни.*) Обратите внимание, что шаман «увидел на небе трёх воронов» и «почувствовал удар в спину». Я больше чем уверен, что что-то или кто-то ударил его по точке сборки; если вы внимательно, на что я надеюсь, читали книги Карлоса Кастанеды, то вам не требуется долгих и многословных объяснений для сопоставления всех описанных в этой книге Образов и их Отражений.

Кстати, обратите внимание на очень смешной вопрос – «почему все шаманы *галлюцинируют* одинаково»; как вам этот оборот – «галлюцинируют». А когда физик-атомщик рассказывает, какие он атомы увидел, он что – не *галлюцинирует*?

Образ 13. Волшебные превращения

«Взяв свою костяную палочку, он начертил на поверхности пасты две горизонтальные линии, разделив таким образом содержимое сосуда на три равные части, затем от центра верхней линии провёл вертикальную линию вниз, разделив содержимое уже на пять частей. Он указал на нижнюю правую и сказал, что это для левой стопы. Сектор над ней – для левой ноги. Верхняя, самая большая часть – для гениталий. Сектор под нею слева – для правой ноги, а нижний левый – для правой стопы. Он велел наложить пасту, предназначенную для левой стопы, на подошву и хорошенько её втереть. Затем нужно в указанной последовательности наложить пасту на всю внутреннюю сторону левой ноги, на гениталии, вниз по внутренней стороне правой ноги и, наконец, на правую подошву» (К-1).

«Было где-то два часа пополудни. Он достал свою трубку. Я принёс угли, и мы уселись лицом к лицу.

Понадобилось немалое усилие, чтобы раскурить смесь; вероятно, трубка была слишком плотно набита. При первой же затяжке в рот, кажется, попала пыль из смеси, и он сразу онемел.

Я насчитал двадцать затяжек, а потом счёт потерял значение.

Дон Хуан мягко разжал мои руки и забрал трубку. Он приказал мне лечь на пол, но только не засыпать.

– Единственный способ не заснуть – это стать птицей или сверчком, или ещё чем-нибудь в таком роде, – сказал он. – Я – ворона. Я учу тебя, как стать вороной. Когда ты этому научишься, то будешь оставаться при ясном сознании и получишь свободу передвигаться куда угодно; иначе ты всегда будешь приклеен к земле там, где свалился» (К-1).

Отражение

Все люди, интересующиеся магией, знают о *мази для полёта*, которой пользуются ведьмы. «И вот около первой стражи ночи она на цыпочках, неслышными шагами ведёт меня к тому чердаку и велит смотреть через какую-то щёлку в двери. А происходило так. Прежде всего Памфила сбрасывает с себя все одежды и, открыв какую-то шкатулку, вынимает оттуда множество ящичков, снимает крышку с одного из них и, набрав из него мази, сначала долго

растирает её между ладонями, потом смазывает всё тело от кончиков ногтей до макушки, долгое время шепчется со своей лампой и начинает сильно дрожать всеми членами, и пока они слегка содрогаются, их покрывает нежный пушок и крепкие перья, нос загибается и твердеет, появляются кривые когти. Памфила обращается в сову. Испустив жалобный крик, вот она уже пробует свои силы, слегка подпрыгивая над землёй, а вскоре, поднявшись вверх, распустив оба крыла, улетает». (*Апулей. Метаморфозы.*) Памфила, как мы видим, предпочла обратиться в сову – это существо ночи и на неё мало кто охотится. Как и на ворону, то есть можно сказать, что сова – это ворона ночи. Кстати, вы заметили, что она «шепталась со своей лампой»?

Читателям Кастанеды должно быть ясно, что способов для превращений может быть много, но метод-то один.

Идём далее. Пропп утверждает, что «в сказке герой, чтобы переправиться в иное царство или обратно, иногда превращается в животное». Мне же больше нравится предположение, что превращение в животное – это уже и есть *переправа*.

«Мы достаточно изучили сказку, чтобы установить, что герой, превращённый в животное, – древнее героя, получающего животное. Герой и его помощник есть функционально одно лицо. Герой-животное преобразовался в героя плюс животное». (*Корни.*) Можно добавить, что герой, умеющий превращаться в животное, ещё древнее.

А вот простые индейцы обходились без всяких мазей, мрачных ритуалов и волшебных ламп.

«Жили вместе два брата, старший – с женой. Жили они в одной хижине, и дело кончилось тем, что младший влюбился в невестку. Как только старший куда-нибудь уходил, его жена и брат предавались ласкам, пробуя то один, то другой способ удовлетворить свою страсть.

Старшему брату об этих играх стало известно.

Оставшись наедине с женой, подозвал её и сказал:

– Давно я слежу за твоими шашнями. Если не оставишь брата в покое, наказание будет жестоким и постыдным, имей в виду!

Он начал рассказывать, как превратится в страшную птицу и унесёт женщину в когтях. На всё это жена не ответила ни слова.

Некоторое время жизнь шла своим чередом, а потом парочка принялась за старое. Муж не делал больше внушений, а приступил к упражнениям. Он частенько уходил из дома наблюдать за повадками птиц.

По прошествии долгого времени старший брат попробовал в последний раз навестить родной дом. Опять ему смеялись в лицо, опять жена на его глазах отдалась младшему брату.

Горько было обманутому мужу.

Но постепенно старший брат приобретал всё большее сходство с птицей. Он, не уставая, учился у пернатых целыми днями, с утра до вечера.

Однажды младший брат пришёл в лес с женщиной. Старшего не сразу можно было узнать среди других птиц. Тут же под деревом женщина опустилась на мох, и младший брат стал с ней совокупляться. А огромный коршун, глядя на них, дрожал от гнева и ненависти. Он взмахнул крыльями и, пикируя, пронёсся прямо над любовниками, не обратившими на него никакого внимания. Тогда он взлетел повыше, ринулся вниз и, вонзив свои страшные когти в сплетённые тела, поднял добычу в воздух. В вышине коршун разжал когти, и тут же множество мелких птиц слетелись со всех сторон. Они принялись жадно клевать человечину, выбрасывая окровавленные кости на землю. Вскоре от женщины осталась только вагина, а от мужчины – пенис. Эти два органа так и продолжали быть соединёнными вместе в коитусе. Коршун схватил их, поднялся над лесом и полетел.

Неподалёку от леса находилось индейское стойбище. Вот сюда-то и устремился коршун. Люди подняли головы, наблюдая за парящей над поляной огромной птицей. Вдруг птица разжала когти и что-то выронила. Это что-то упало прямо в толпу, и все увидели, что это мужские и женские гениталии, да ещё совокупающиеся!

Тут кто-то воскликнул:

– Помните человека, решившего превратиться в птицу? Он и есть коршун, который сейчас летал, а вагина и пенис – его жены и младшего брата. Старший брат по заслугам воздал им обоим!» (*Сказка племени ямана.*)

Образ 14. Дымок

«Дон Хуан сказал когда-то то же самое и насчёт меня – что он «курил» меня. Я всегда считал, что он имеет в виду использование психотропных грибов для того, чтобы составить себе определённое представление обо мне.

– Как он курил тебя? – спросил я у Хосефины.

– Так же, как он курил и тебя. Он вытянул твою светимость и высушил её дымом от огня, который он развёл.

Дым имеет очень большое значение для мага. Дым подобен густому туману. Туман, конечно, лучше, но с ним слишком трудно обращаться. Он не так удобен для использования, как дым. Поэтому, если маг хочет видеть и узнать кого-то очень закрытого, своенравного и упрямого, как ты и Хосефина, он разводит огонь и позволяет дыму окутать этого человека. Всё, что они скрывают, выходит с дымом.

Ла Горда сказала, что Нагваль использовал дым не только для того, чтобы узнавать людей, но и для исцеления. Он делал Хосефине дымные ванны. Он заставлял её сидеть или стоять у огня с той стороны, куда дует ветер. Дым обычно окутывал её и заставлял её кашлять и плакать, но это неудобство было лишь временным и не имело последствий. Зато огромным положительным эффектом было очищение светимости» (К-5).

Отражение

Неужели только в горах Тибета кто-то ещё знает толк в использовании дыма? «Непосредственно перед входом в обитель ламы ученик должен омыться и «очиститься» дымом сжигаемых ароматических трав». (*Давид-Неэль.*) Вспомним ещё и христианские окуривания дымом различных веществ, ароматические дымные палочки таинственной Индии и прочих чудесных стран Востока, нашу любовь к посиделкам у костра; но мы уже забыли целительную силу такой неудобной вещи, как дым.

Вы когда-нибудь подозревали, что сон или сновидение – это и дверь в иной мир, и один из способов вхождения в иной мир?

Образ 15. Искусство сновидения

«Дон Хуан описывал искусство сновидения как способность владеть своим обычным сном, переводя его в контролируемое состояние сознания при помощи особой формы внимания, которое он и дон Хенаро называли вторым вниманием» (К-6).

«Наша жизнь и наша смерть не более и не менее реальны, чем «жизнь и смерть в сновидении». Та жизнь, которую мы ведём сейчас, это всего лишь длительное видение» (К-5).

Отражение

«Человеческая жизнь – это сон не потому, что мы видим мир недолго и хаотически, а потому, что видимое нами почти всегда связано с нашими личными интересами. Если ум не делает различий, все вещи таковы, каковы они есть». (Блайс.)

Мы спим, и наше тело —
Это якорь,
Душой заброшенный
В подводный сумрак жизни.

Хименес Х. Р.

Классический пример, показывающий чудеса сновидения, это, конечно же, Чжуанцзы: «Однажды Чжуаню Чжоу приснилось, что он – бабочка, весело порхающая бабочка. Он наслаждался от души и не сознавал, что он – Чжоу. Но вдруг проснулся, удивился, что он – Чжоу, и не мог понять: снилось ли Чжоу, что он – бабочка, или бабочке снится, что она – Чжоу». Можно сказать, что Чжоу приснилось, что он – само Знание.

И так ли уж нужны «Сонники» и толкователи снов? Знают ли они, в чём смысл Сновидения?

Образ16. Бессмысленность снов

«Только в обычных снах вещи бессмысленны. Я бы сказал, что это происходит именно так вследствие большого количества лазутчиков, присутствующих в них. Их много потому, что обычные люди склонны сильнее ограждать себя от неизвестного» (К-9).

Отражение

«Как-то раз отведал Сэйку во сне с изысканного стола. Проснулся и был сыт, а в зубах еда застряла». (О святом Сэйку с горы Сёся, что в земле Харима.) А что – неплохо. Ведь если наш реальный мир – всего лишь положение точки сборки, то, научившись управлять ею, мы можем посещать другие миры для того, например, чтобы изысканно покушать, если в этом мире мы не можем найти еды; поискать удачи, если здесь мы неудачники. Хотя, как говорится, туз – он и в Африке туз. А неудачник?

«Сон – это главный источник познания. Только во сне индеец может получать все тайные знания. В один из дней он может проснуться знахарем». Я с неохотой прибегаю к цитатам из мифологии коренных жителей Америки, потому что это означает «доказывать то же самое через то же самое». Но иногда можно напоминать, что не все индейцы владеют подлинным знанием, а лишь его осколками, да и не все влачат жалкое существование.

Однако буддизм тоже не дремлет. «Как видения во сне нам следует рассматривать все явления». (Праджняпарамита.)

И в греках есть толк, а не одна лишь подозрительная по происхождению мифология.

Однодневки,
Что – мы? Что – не мы? Сон тени —
Человек.

Пиндар

А вот и Япония: «Был он наставлен сном и воздал поклонение небесным и земным божествам, и так прославили его Мудрым Правителем; следил он за дымом и оказал милость своему народу». (*Кодзики.*)

Если есть иные миры, то должны быть и другие сущности; что о них знают Нагваль и Мифология?

Осколок 4. Другие сущности

Образ 1. Типы существ

«Существует три типа существ. Существа первого типа совершенно бесполезны, они ничего не могут дать, потому что ничего не имеют. Существа второго типа – устрашающие, эти способны только пугать. И третьего типа – владеющие дарами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.